

Виктор Хорошулин

Валерий Сергеев

*«От тюрьмы да
от чумы...».*

*Путь доктора
Коффера*

Виктор Хорошулин

**«От тюрьмы да от чумы...».
Путь доктора Коффера**

«Издательские решения»

Хорошулин В. А.

«От тюрьмы да от чумы...». Путь доктора Коффера /
В. А. Хорошулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853347-1

Кёнигсберг начала 18 века... Время сражений, эпидемий, время открытий во многих областях науки... Но ещё живы средневековые предрассудки, идёт охота на колдунов и ведьм даже в разгар эпидемии страшной чумы. В романе рассказывается о судьбе молодого студента кёнигсбергского университета, бросившего вызов «чёрной смерти», о студенческой жизни, похищениях трупов в научных целях и, конечно, о первой любви...

ISBN 978-5-44-853347-1

© Хорошулин В. А.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. «ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЧЁЛ»	6
Глава 1. Старый бортник	6
Глава 2. Предложение дядюшки Клауса	12
Глава 3. Путь в Альбертину	18
Глава 4. Размышления о теле и духе	24
Глава 5. Честь студента и сеансы спиритизма	31
Глава 6. Спиритический сеанс и мародёры	36
Глава 7. Внутренний голос	41
Глава 8. Семейство Лакош	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

«От тюрьмы да от чумы...».
Путь доктора Коффера

Виктор Анатольевич Хорошулин
Валерий Васильевич Сергеев

© Виктор Анатольевич Хорошулин, 2017

© Валерий Васильевич Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4485-3347-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I. «ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЧЁЛ»

Глава 1. Старый бортник

Я, Петер Коффер, родился на окраине Инстербурга в семье кузнеца Ганса Коффера, имевшего собственный дом и небольшое хозяйство, за которым ухаживала его жена и моя мать Марта. Событие это произошло 7 августа 1690 года и запомнилось обывателям страшной грозой, обрушившейся на Инстербург и его пригороды: Кунхайм, Альбертхоф, Хохшлиссе, а также замок Георгенбург. Обильные ливни подняли воду в ближайших реках – Инстере, Ангераппе (1) и Писсе.

К вечеру, когда гроза продолжила свой путь к Кёнигсбергу, а Инстербург стряхивал с себя тёплые дождевые капли, в округе неожиданно загорланили петухи... Горожане стали испуганно креститься: было бы понятно, если птицы начали бы своё пение в пять утра, но это случилось в восемь вечера!.. Аббат монастыря святого Августина, отец Теодор, провозгласил приближение конца света из-за наших грехов, и призвал всех прихожан усердно молиться и каяться.

Тогда же старый бочар Гельмут Мильх, возвращаясь домой из трактира, переходил по мосту через Инстер. Уж не знаю, какими судьбами, но он сорвался с моста и упал в реку... Коварные русалки утащили его на дно, не дав бедняге ни малейшего шанса выбраться на берег. А на играющих возле леса мальчишек напали бродячие собаки и жестоко покусали ребят... Двое рабочих строителей подрались в трактире «Спелая вишня», один из них, схватив испанскую наваху, убил своего соперника...

Вообще, этот год принёс и другие бедствия городу. Несмотря на то, что в Инстербурге появился первый постоянный гарнизон, солдаты не смогли противостоять страшному пожару, возникшему неизвестно из-за чего. Пламя почти полностью уничтожило город: целыми в нём остались только два с небольшим десятка домов, церковь, школа и дом священника.

Как видите, моё рождение ознаменовалось ужасными и необъяснимыми событиями и это, полагаю, оставило свой отпечаток на моей будущей судьбе.

Детство моё проходило в живописном месте – там, где слившиеся Инстер и Ангерапп пополняли воды Прегеля. За городскими окраинами раскинулись роскошные луга, где пасся скот, знахари собирали лечебные травы, а мы, малышня, от всей души резвились в свободное время. Луговые цветы, вблизи – жёлтые и красные, оранжевые, фиолетовые и голубые, вдали сливались в широкие разноцветные полосы, разукрашивая тем самым душистое разнотравье. По утрам крупные капли холодной росы окатывали тех, кто проходил через луг. Днём тут натружено гудели пчёлы и шмели, с шумом взлетали чуть ли не из-под ног путника прячущиеся в зарослях травы перепела и куропатки. За лугами шумели могучие леса, порой, непроходимые... Много интересного и таинственного о них рассказывал мне дядюшка Клаус, родной брат моей матери, живший на самой границе луга и леса.

Нас было трое детей у родителей, из которых я – средний. Мой старший брат Карл, увидевший свет тремя годами ранее меня, с малолетства помогал отцу в кузнице, а младшая сестра Анхен... она для меня до сих пор остаётся малышкой.

Наш отец был крупным и сильным мужчиной, и мне долгие годы приходилось смотреть на него, высоко задрав голову, пока я сам не подрос. Он носил небольшую тёмную бороду и так же коротко стриг волосы на голове. Глаза у него всегда были прищурены, а от них на виски веером расходились глубокие морщины, видимо, так сказывались условия работы в кузне. Но сквозь узкие щёлочки век светился практичный ум, казалось, отец постоянно решает какую-то непростую задачу. На каждую вещь он смотрел таким взглядом, словно думал,

к чему бы её приспособить. Руки у него были тяжёлые, с широкими ладонями. Привыкший иметь дело с железом, он и с людьми не церемонился – говорил, словно стучал молотом... Но в целом, человек он был покладистый и не злой... пока был трезв. Моя матушка не могла нарадоваться на него – работающий муж и заботливый отец. Но, когда по тем или иным причинам, ему случалось выпить лишнего, он совершенно менялся: превращался в озлобленного, неразговорчивого и жестокого зверя. В эти минуты мы все сторонились его, опасаясь задеть хотя бы словечком или встретиться с ним взглядом. В гневе он был просто страшен, его бранные слова ранили очень больно, потому что он не просто оскорблял того, кто оказался рядом, а делал это виртуозно и задевал самые уязвимые места...

По правде говоря, напивался отец редко. Работа в кузне требует трезвого взгляда, твёрдой руки и полной ясности ума. Но, иногда накопившаяся усталость давала о себе знать, и ему срочно была нужна «разгрузка» в течение двух-трёх дней. И тогда отец начинал расслабляться в Пангервице, самом старом инстербургском трактире, расположенном у моста через Ангеррап.

Мама моя, добродушная, светловолосая Марта Коффер с голубыми, как весеннее небо, глазами часто казалась мне феей из сказок, которая несёт только добро. Когда я немного подрос, то понял, насколько тяжело ей даётся хранить на лице тёплую улыбку и дарить детям ласковые слова. С утра до поздней ночи она хлопотала по хозяйству: готовила еду, работала в огороде, мыла, стирала, шила одежду... Иногда ей крепко доставалось от пьяного отца, которого в те страшные минуты я искренне ненавидел. И, знать, от всего этого её руки рано покрылись мозолями, а лицо – морщинами. А голос, ранее молодой и звонкий, с каждым прошедшим годом отчего-то становился тише и глуше...

Но, хвала Господу, жили мы неплохо. Отец без дела не сидел, а мой старший брат Карл, унаследовав отцовскую статью, помогал ему в кузне: сначала убирал помещение, наводил порядок, подносил уголь и выгребал золу, а уже затем отец доверил ему более сложную работу. Я же «пошёл» в мать – был невысок, худощав и, как заметил мой братишка, «слишком задумчив». К семи годам меня определили в школу, где я начал изучать латынь и Священное писание. Карлу, как отметили родители, учение было ни к чему – он чувствовал себя в кузнице, как дома.

Обычно, в канун праздников, мама, собрав нехитрые подарки, отправляла меня с Анхен к своему брату, дяде Клаусу. Оттуда мы всегда приносили мёд, поскольку дядюшка был бортником. Ходили мы к нему с сестрёнкой пешком через луг. И путешествие туда занимало у нас не меньше часа. Но зато как чудесно было в гостях у дяди Клауса! Он казался мне удивительной личностью – знаток тайных лесных троп, добытчик мёда лесных пчёл, знахарь, отменный рассказчик и добрейшей души человек. Только почему-то жил совсем один.

Как-то перед Пасхой мы с Анхен вновь пошли к дяде Клаусу. Часть нашего пути пролегла вдоль леса. Весёлые ручейки перебегали нам дорогу, всюду булькала вода, сверкали и цокали капли, раздавались восторженные трели птиц, а под деревьями уже выросли, радуя взор, первые нежные цветочки.

Старый бортник жил далеко за городом на лесной окраине в небольшом домике с пристроенным к нему сараем и хлевом для козы и поросёнка. Он занимался выращиванием овощей на своём огороде и, как я сказывал ранее, сбором мёда диких пчёл. Да и выглядел дядюшка под стать огромной пчеле – большой, мохнатый, рыжеволосый, с торчащими в стороны непослушными усами. На его правом плече красовалась татуировка большой пчелы, как он сам о ней говорил: «пчелиной королевы».

Иногда мы с Анхен гостили у дядюшки целыми неделями. Я страстно любил слушать его рассказы и старался запомнить каждую мелочь, особенно, если дело касалось лечебных трав.

Дядя Клаус был старше матери лет на десять. Он не только хорошо разбирался в травах, но знал всё о повадках животных и даже, как выяснилось, понимал их язык.

– Звери не такие болтливые, как мы, – рассказывал он как-то нам с Анхен перед сном. – Они не разбрасываются словами, поэтому каждая их фраза имеет особый вес и цену: «Не подходи!», «Мне больно!», «Ищу пару!». Более «разговорчивы» те, кто живёт рядом с человеком. Например, собаки часто просят нас поиграть с ними, и обычно перехваливают своих хозяев. Кошки, напротив, обидчивы и ревнивы. Их главные слова: «Накорми» и «Приласкай». А вот лошади – особи гордые и склонные пофилософствовать: «Опять мне тащить вашу повозку?», «А на лугу такая сочная трава...»

– Оказывается с твоей козой или петухом можно поговорить? – спросил я, простодушно удивившись.

Мохнатые брови дядюшки начали движение к переносице.

– Можно. И чем чаще ты станешь это делать, тем скорее научишься их понимать.

– Так же хорошо, как ты, дядя?

– Даже ещё лучше. Но только при большом желании и упорстве.

– А пчёлы? – спросила любопытная Анхен. – С ними тоже можно поболтать?

– Конечно, маленькая фея! Но у пчёл и муравьёв всё устроено несколько иначе: они живут большими семьями, а по отдельности ни говорить, ни думать не умеют. Однако от их гнезда нетрудно уловить сигналы: «Опасность!», «Нападение!», «Скоро будет ливень!» Но и пчёл всегда можно попытаться успокоить и о чём-то попросить...

Мы с сестрой слушали, держа в руках по краюхе хлеба, обильно политых мёдом. Возле каждого из нас – по кружке молока.

– Даже отдать тебе свой мёд? – недоверчиво спросила Анхен.

Дядя Клаус сделал глубокий вздох и, широко улыбнувшись, продолжил:

– Я пытаюсь убедить их со мной поделиться. И никогда не забираю все их запасы. К тому же всегда прошу прощения за причинённый вред. Это – важный закон леса. – Взгляд его стал серьёзным. – Конечно, если у пчелиной семьи забрать весь мёд, то зимой они просто погибнут. Но я всегда оставляю им достаточное количество пропитания, чтобы на следующий год не искать по всему лесу другой рой, а вновь прийти к тому же дуплу и снова взять из него мед. Только сначала ставлю на такое гнездо свою особую метку, ведь по закону дикие пчёлы никому не принадлежат, а мёд и воск становятся собственностью первого, кто им завладеет. Частенько я даже помогаю пчёлам, собственноручно вырубая им в толстых деревьях дупла – борти, причём такие, с которыми мне самому будет удобно работать.

– Расскажи, дядюшка, как ты это делаешь! – нетерпение начинает захватывать и меня.

– Вы ешьте, ребяташки, – кивает на наше хлебно-медовое угощение дядя Клаус. – Для этого я обычно выбираю сосну, растущую в одиночестве среди лип, затем рублю в её стволе прямоугольное отверстие и через него вытёсываю дупло длиной в локоть. Посередине этого дупла проделываю другую, гораздо меньшую дырочку – леток, через которую будут влетать пчёлы, а первое прямоугольное отверстие аккуратно затыкаю подогнанной доской. Открываться она будет только тогда, когда мне понадобится сделать что-то внутри гнезда – например, взять соты. Для привлечения пчёл я натираю леток пахучими травами и цепляю к потолку кусочки старых сот. Всё это я тебе потом покажу...

– Дядя, – спросила Анхен, – я знаю, что медведи тоже очень любят мёд. Они часто грабят твои борти?

– Конечно, если устроить дупло на высоте человеческого роста, то такая борт будет лёгкой добычей для медведя, поэтому и приходится забираться повыше.

– Но с дерева можно упасть, – испуганно прошептала Анхен.

– Бог с тобой, детка, – добродушно усмехнулся Клаус. – Поясню вам, любопытным. Изготовлением борти и всеми последующими делами я занимаюсь, набросив на ствол широкий плетёный пояс из кожи или липового лыка и опираясь на него поясницей, а ногами – на деревянную подставочку, крепящуюся к стволу верёвкой. А чтобы затруднить разорение пчелиного

гнезда, я обрубаю все сучья под ним, а ещё вешаю увесистый обрубок бревна, нижний конец которого свободно болтается. Ползет медведь в борть, отведёт в сторону бревно, а оно, как и положено маятнику, тут же вернется и стукнет его по морде или по лапе. И чем яростнее зверь будет лупить по обрубку, тем сильнее будут ответные удары – пока грабитель не поймёт, что это не его добыча...

Мы дружно рассмеялись. Я живо представил себе незадачливого воришку, улепётывающего от злосчастного дерева с бревном.

– И много у тебя таких пчелиных домиков?

– С дюжину наберётся... – загадочно произнёс дядя. – И из каждого я осенью забираю по двадцать-тридцать фунтов мёда. Мне самому так много не надо, ведь я живу бобылём, но я мечтаю, чтобы ты, Петер, поступил в университет и стал учёным человеком. А для этого нужны деньги...

Мне стало неловко. Выходит, дядюшка уже задумался о моём будущем. А я как-то до сих пор подобных мыслей и вовсе не имел...

– Но сначала пчелиные семьи в лесу необходимо найти... – заговорил я. – Как ты это делаешь?

– Я ловлю пчёлку на лугу и повязываю ей на ножку ниточку. Потом выпускаю и слежу, куда она полетит... А летят пчёлы всегда домой, в свою борть.

– А ты не боишься пчёл, ведь они так больно кусаются? – в растерянности спросила моя сестрёнка.

– Пчела жалит только грешников, – улыбнулся дядя. – К тому же – вот мой оберег, – он похлопал себя по татуировке на плече. – А вообще-то, отправляясь за мёдом, я надеваю грубую и закрытую одежду, лицо при этом защищаю мешковиной. Вдобавок отпугиваю рассерженных пчёл дымом... Правда, всякий раз они меня всё равно жалят пять-шесть раз. Но это совсем не опасно, даже полезно. Страшно, если на человека нападёт целый рой...

Снаружи зашумели деревья. Видно, приближалась гроза. Анхен зябко поёжилась и уставилась на яркое пламя свечи.

– Вот ты сказал, что со зверюшками можно поговорить, а бывает так, что они тебя не слушаются или делают всё наоборот? – задал я терзающий меня вопрос. Дело в том, что мне никак не удавалось договориться по-хорошему с соседскими собаками и не раз приходилось спасаться от них бегством.

– Случается и такое, – усмехнулся дядюшка. – Ведь, как и мы, все они имеют свой характер!

Добрые глаза дяди, сверкая в пламени свечей, словно лучились таинственным и весёлым светом. Наверное из-за этого чудесного взгляда мы с Анхен и прозвали дядюшку Клауса «повелителем пчёл».

– И ещё одна удивительная особенность, – продолжал тот, допивая своё молоко, – звери, птицы и рыбы, сбившись в стаю, стадо или косяк, становятся неуправляемыми и начинают подчиняться каким-то совершенно иным законам. Знаете, детки, что люди, попав в толпу, тоже думают, говорят и поступают одинаково. И не всегда разумно и логично! Слово какой-то бес вселяется в них и руководит их, подчас опасными или жестокими деяниями. Вспомните, как весной крестьяне забили камнями старушку, обвинённую в колдовстве... Поэтому я и предпочитаю одиночество и уединение... А теперь, укладывайтесь спать...

Случалось, что дядюшка будил нас рано утром.

– Собирайтесь, пойдём на озеро. Погодка сегодня замечательная! Половим угрей, вы ведь любите рыбалку, детки?

Нас дважды упрашивать не надо! И вот мы уже шагаем к лесному озеру, а дядя рассказывает:

– ...Осенью зайцы линяют не сразу. Сначала у них белеют лапки и низ брюшка, тогда охотники и говорят: «заяц в штанах». Потом у косоного белеет весь живот... – дядя отодвинул от лица наклонившуюся ветку ольхи. – А самые любимые заячьи места – это низкорослые ели, прогалины, обмякшие серые папоротники...

Вдруг, за очередным поворотом тропинки мы видим стоящего шагах в пятидесяти от нас красавца оленя, высоко вскинувшего свою ветвистую голову... Мы замираем и несколько мгновений смотрим друг на дружку, но тут горделивый зверь недовольно фыркнув и, мелькнув своим светлым подхвостьем, с топотом и треском врывается в кусты...

– Передавай привет своим оленятам! – весело кричит ему вслед дядя.

А вечером, уплетая жареную рыбу, мы слушаем очередной рассказ «повелителя пчёл».

– Наш город получил название от рыцарского замка – Инстербург, – негромко говорит тот. – Который был заложен почти четыреста лет назад магистром Тевтонского ордена Дитрихом фон Альтенбургом, выдающимся военачальником и умелым строителем.

Я представил себе грозного рыцаря, держащего в одной руке меч, а в другой – строительный мастерок.

– Во времена крестоносцев здесь после жестоких пыток была сожжена последняя ведьма Восточной Пруссии. Её содержали в подвале замковой башни без еды и воды..., – дядя вопросительно взглянул на нас. – Хотя, если вам страшно, я не буду рассказывать о тех временах...

Мы тут же заявили, что нам вовсе не страшно, а наоборот, жутко интересно.

– Ну, тогда слушайте дальше. В Инстербурге даже сейчас многие события связывают с колдовством. Вот вам история о девочке Вероне, которую взяла на воспитание семья башмачника. Со временем девочка превратилась в красивую девушку... и обучилась колдовству. Ей доставляло удовольствие рушить крепкие немецкие семьи. Немало счастливых браков распалось, благодаря её козням. Вот старейшины города и решили покарать Верону. Зимой они прорубили в реке прорубь, в которой и утопили несчастную...

Мы все молча перекрестились. Вздохнув, дядя Клаус продолжал:

– А через некоторое время Верона стала приходить в город каждую ночь и уводить на его окраину по одному мужчине, которого утром находили повешенным...

– Как страшно, – прошептала Анхен. – И что же было потом?

– А ничего, – пожал плечами дядюшка. – Люди молились Господу, и тот помог им. Верона пропала... Иначе город бы полностью обезлюдел...

«Это — хорошо» – подумал я. Как-то не хотелось встречаться с духом красавицы, которая потом заставит тебя повеситься. Я видел повешенных на рыночной площади Инстербурга. Зрелище не самое привлекательное, смею вас заверить...

– Ну, раз уж мы завели речь о духах, то придётся мне вам поведать и о призраках, если это не напугает маленьких детишек...

– Мы не маленькие, – попробовал возмутиться я. – Хотя, Анхен может идти ложиться спать!

– Нет, я тоже буду слушать! – заявила сестра. – Мне ничуть не страшно!

– Ну, хорошо, – улыбнулся дядя Клаус и закурил трубку. – Пожалуй, самыми известными призраками нашего города можно считать души прусского князя Камсвикуса и его супруги...

– Что же с ними случилось?

– Не торопись, Петер. Сейчас узнаешь... История гласит, что ещё до прихода в эти места крестоносцев, вблизи теперешнего Инстербурга стоял замок местного повелителя, которого звали Камсвикус, который отличался очень уж свирепым нравом. Говорят, что он даже убил собственного сына, попытавшегося вступить за угнетаемых подданных. А позже князь заточил в замковое подземелье свою жену, которая тоже чем-то ему не угодила. Прусские боги долго не вмешивались в эти княжеские бесчинства. Но и у них терпение вскоре лопнуло, и наслали они на замок потоп. Вместе с Камсвикусом погибла и его несчастная супруга...

– Жаль... И что было дальше?

– А потом было вот что, – дядя Клаус выпустил струю едкого дыма в потолок. – Женщина появлялась людям в облике чёрной коровы, которую гонит чёрная кошка. В последнюю обернулась душа злого князя. А воплощением божьей кары, как говорят люди, стал скачущий за короной и кошкой чёрный всадник, который стегает животных длинным чёрным бичом... Так вот, согласно преданию, часто в полночь можно увидеть всех трёх призраков, мчащихся в чаще леса... А доброму сыну князя Камсвикуса люди поставили памятник – огромный камень длиной в двадцать шагов...

– А ты, дядя, встречал этих призраков? – затаив дыхание, спросил я. Мне очень хотелось, чтобы тот ответил: «Нет, всё это – враки».

– Призраков не видел, – ответил тот. – А камень есть. Могу вам его показать.

Глава 2. Предложение дядюшки Клауса

С того дня, когда я впервые узнал о планах дядюшки послать меня на учёбу в кёнигсбергский университет, минуло три года, в течение которых жизнь наша текла в прежнем русле и в ней практически ничего не менялось. Отец работал в кузне, мать занималась домашним хозяйством – растила овощи, хлопотала по дому, шила нам обновки. По-моему, родители не задумывались о моём будущем, возможно, они считали, что и я в скором времени займу своё место в отцовской кузнице. Карл возмужал, плечи его стали широкими, а руки – сильными. Теперь они с отцом работали на равных. Я же продолжал учёбу в городской школе, особенно налегая на латынь, ведь если придётся поступать в Университет, то там этот язык станет мне просто необходим. Анхен тоже подросла, она помогала матери в домашней работе.

За это время в самой Пруссии произошли кое-какие изменения. В стране, наконец, появился свой король – Фридрих I, бывший великий курфюрст Пруссии Фридрих III. Слабый здоровьем и легко поддававшийся влияниям, он был склонен к пышности и блеску. Однако его окружали настоящие государственные люди, сделавшие в это время очень много для процветания Пруссии. Коронация Фридриха происходила в Кёнигсберге 18 января 1701 года, в Королевском замке. Постоянным же местом обитания Фридриха I был Берлин. Это событие широко отмечали и у нас в Инстербурге. В одноимённый орденский замок, а также в Георгенбург, приехало множество гостей, судя по гербам на каретах, из разных уголков Европы. Звание королевства добавляло Пруссии собственного веса и значимости, что было особо важно, так как Польша не хотела мириться с потерей своей вотчины. Вместе с тем, Пруссия была вынуждена принять участие в двух войнах – за Испанское наследство и в Северной.

Из Европы, истощённой и обескровленной Тридцатилетней войной, в Восточную Пруссию продолжали прибывать беженцы, которые обустроивались, в том числе, и в Инстербурге, возрождая уничтоженные пожаром 1690 года районы.

За прошедшие годы не было отмечено ни природных, ни социальных катаклизмов. Внешние обстоятельства словно способствовали развитию и процветанию нашего региона.

11 марта 1703 года у нас в доме появился дядюшка Клаус. Он прибыл, чтобы лечить нашу Анхен – бедная девочка сильно простудилась, набирая свежую воду из колодца, и заболела: у неё совсем пропал голос, зато появился сильный жар, сопровождающийся бредом. Её, побледневшую и трясущуюся в ознобе, уложили в постель, испуганная мать суетилась поблизости, не зная, как и чем помочь своему ребёнку.

– Я – за Клаусом, – заявил отец и отправился запрягать лошадь.

Городским лекарям он не доверял, и в этом я с ним был согласен. Все наши соседи уверяли, что доктор придёт, пустит кровь... и это – всё лечение! Впрочем, вырвать гнилой зуб они могли, но с этим справился бы любой цирюльник. А вот загадочный отшельник, дядюшка Клаус – это совсем другое дело!

Помню, наша собака, лежащая у порога, встрепенулась и, насторожив уши, стала внимательно прислушиваться к посторонним шорохам... Тут же в доме появился дядя – словно весенний шмель влетел в окно. Лохматый, шумный, пропахший мёдом и воском. Он обнял маму и сразу же устремился к лежанке нашей Анхен. Там дядя погрузил три пальца правой руки, сомкнутых в щепотку, в пупок больной племянницы и стал поворачивать их против часовой стрелки... при этом что-то тихо и невнятно шептал... Потом он пошёл развязывать свои мешки, в которых привёз как лекарства, так и гостинцы из леса. В коридоре он, шутя, поборолся с Карлом, и весело заметил отцу:

– Здоровый бычок у тебя растёт, Ганс!

Меня он тоже потрепал по загривку, затем выложил на стол мешочки и горшочки со снадобьями. Вместе с ними на стол выпала и сухая пчела.

– Как хорошо, что ты приехал, Клаус! – не могла нарадоваться мать.

Она уже уверовала в скорое выздоровление дочери.

– Да, – бубнил отец, топчась у двери. – Ты уж оставайся у нас до тех пор, пока Анхен не пойдёт на поправку!

Вдруг Анхен зашла в кашле. Дядя внимательно прислушивался к нему.

– Успокойся, маленькая фея, – он погладил её по волосам. – Лоб горит... Ничего, кашель не такой уж опасный... А жар мы сейчас снимем!

– О, всемилостивый Господь, – прошептала мать и перекрестилась, – доченька, дядя Клаус тебе поможет... Чем же ты думаешь лечить её, братец?

– Иди, мать, накрой на стол, – приказал отец. – Скоро ужин. Тащи из запасов самое вкусное! Угостим Клауса по-королевски! Петер, помоги матери!

Я тут же нырнул в погреб. Где хранится самое ценное и вкусное, я прекрасно знал. Краем уха я слышал (видимо, потому что старался уловить каждое слово), что отвечал дядюшка на вопросы матери.

Пока болезнь не вселилась в неё полностью, и не вцепилась мёртвой хваткой в её тело, я попробую самое простое средство... Во-первых, это – чай... – Клаус развязал один из мешочков, которые принёс с собой. – Это – сбор из листьев и плодов шиповника и облепихи, можно использовать малину и смородину... В лесу любая ягода целебна! Есть ли у вас посуда для заваривания? – он взглянул на полку с горшками.

– Сейчас, сейчас... – засуетилась озабоченная мать. – Вот, сюда сыпь, – она достала глиняную бутылку, – а я сейчас принесу кипяток.

– Для заваривания такого чая, – начал пояснять дядя Клаус, – бери щедрую щепотку измельчённых листьев и плодов на кружку кипятка... И настаивай около получаса! Маленькой Анхен понадобится две-три чашки в день. Кроме того, обязательно добавь туда мёд! Так же пригодится хрен, редька, горчица, лук и чеснок. На ночь в её изголовье мы положим измельчённый чеснок и лук, понадобится ещё одна миска, Марта... А днём твоя дочь пусть носит на шее «бусы» из зубков очищенного чеснока. Надеюсь, у вас есть чеснок? Впрочем, его я тоже привёз... Приготовь также, Марта, смоченное в холодной воде полотенце или пузырь со льдом. Мы его приложим к головке Анхен, и это снимет жар.

Заварив свой лекарственный сбор, дядюшка продолжал:

– Полезно пить такой чай с малиновым вареньем или мёдом. Хорошо добавить в него клюкву или бруснику...

Оставив лекарство настаиваться и, приложив к голове девочки холодный компресс, дядюшка перешёл к столу, куда мы с матушкой уже поставили большую тарелку с куском копчёного окорока (основное наше «богатство»), горкой яиц и горячего картофеля. К этому добавили заготовленных на зиму овощей. Нарезали и хлеба. Матушка достала из укромного уголка бутылку с медовухой, которую дядя Клаус передал нам ещё в начале осени.

– Давайте-ка ужинать, – распорядился отец. – Пока Анхен спит. Проснётся – напоим её целебным чаем...

– Сейчас сон для неё очень важен. Но если лихорадка вернётся, – продолжал дядя Клаус, поглаживая усы, – я приготовил потогонный сбор из плодов малины и цветов липы в равных частях...

– Надеюсь, до этого не дойдёт, – нахмурилась мама.

– Ну, а насморк наверняка будет, – ответил дядя. – При нём закапывайте в нос слабый раствор мёда, луковый сок, настоянный на растительном масле или свежий сок свеклы.

– Ты, как заправский врач, Клаус, – усмехнулся отец. – Дай Господь тебе здоровья!

– Кто с мёдом дружен, тому врач не нужен! – улыбнулся дядя.

– А как справиться с кашлем, дядюшка? – спросил его Карл.

– От кашля помогает сбор из корня солодки, листьев подорожника да мать-и-мачехи в равных частях. Отличными отхаркивающими средствами являются... репа, редька, сосновые почки, цветы крапивы, льняное семя, корень алтея. Кое-что из этого богатства я захватил с собой.

– И всё-таки, главным твоим лекарством является мёд? – спросил отец.

Дядюшка опорожнил кружку с медовухой (отец пить не стал) и с достоинством начал отвечать:

– Мёд... Мёд – это не только лекарство... Я навещаю к своим бортям регулярно – то почистить, то поправить, то просто проверить... Но урожай снимаю только раз в году, во второй половине сентября. Когда я открываю свою борть, передо мной предстают свисающие с потолка дупла «языки» – удлинённо-овальные пласты сот. Прикинув, сколько нужно пчёлам для безбедной зимовки, остальное я срезаю и складываю в бочонок. Через пару дней осевший мёд из бочки я спускаю через отверстие, просверлённое в его днище, в другую посудину. Её нужно поставить ниже бочки, и мёд самотеком будет стекать в неё. Чтобы в нём не было примесей, на посуду я надеваю сито. Так получается самый лучший по качеству мёд...

Он с удовольствием осушил и вторую кружку, после чего продолжил:

– Я убеждён в том, что золотой урожай трудолюбивой пчелы служит человеку в качестве надёжного источника оздоровления и исцеления. А пчелиную борть я рассматриваю как личную аптеку...

Я наблюдал, как дядюшка отрезает себе ломоть окорока, как его крепкие зубы впиваются в мясо... Матушка подошла к спящей Анхен и положила свою ладонь на её лоб.

Только не стоит забывать, что мёд – это не единственный продукт из улья с удивительными свойствами, – продолжал разглагольствовать дядя Клаус. – Есть и другие, такие как пыльца и прополис, воск и маточное молочко, перга и забрус, пчелиный яд и даже пчелиный помор.

– А это что такое? – спросил Карл, «уминая» картошку. – Дохлые пчёлы?

– Они самые. Не только то, что производят пчёлы, годится для лечения человека, но и сами они, когда умирают, продолжают нести добрую службу нам, Господь – свидетель! – торжественно добавил дядюшка. – В них есть всё, чтобы украсить нашу внешность, укрепить тело и отодвинуть старость. Продукты их жизнедеятельности излечивают при простудах, болезнях горла, глаз и ушей. Помогают даже при змеиных укусах! Повязки с мёдом прекрасно исцеляют язвы, раны и ожоги.

Отец молча налегал на еду. К медовухе он даже не прикоснулся: знал, что если начнёт, то продолжит пьянство в течение ближайших трёх дней. А работы в кузне было много – жители ближайших деревень готовились к весенним работам на полях. Мама восторженными глазами смотрела на брата.

– Мёд, пыльцу и прополис, – продолжал тот, – можно просто жевать или добавлять их в молоко, чай или вино...

Карл, затаившись медовухой, едва не поперхнулся.

– ...А из сушёных пчёл следует делать отвары и распары, настойки и мази. Или даже принимать их внутрь как порошок...

– А пока принимайте внутрь то, что Бог послал, – заявила матушка. – Кушайте, мужчины, – и скрылась в комнате, где лежала больная Анхен.

Дядюшка Клаус не стал объедаться, а встал из-за стола и последовал за нашей матерью, правой рукой вытирая жирные губы. Мне тоже было любопытно, как дела у моей сестрёнки, и я прошмыгнул вслед за взрослыми.

– Она проснулась, – тихо произнесла мама. – Как ты, Анхен? К нам приехал дядя Клаус...

Анхен устало улыбнулась, но было ясно, что она рада видеть любимого дядюшку.

– Сейчас ты, маленькая фея, выпьешь целую кружку чудодейственного чаю, – ласково проговорил старый знахарь. – И тебе сразу станет легче. Потом ты постарайся уснуть. А я тебе расскажу забавную историю... Петер, подойди ближе, поддержи кружку...

Я с радостью наблюдал, как Анхен, сделав большие глаза, видно, ожидая чего-то чудесного и необыкновенного, в несколько неторопливых глотков выпила целебный чай.

– Ну вот, – улыбнулась мама. – А теперь – спать!

– И набираться сил, – добавил я.

– Сказку..., – еле слышно произнесла Анхен.

– Сейчас, – дядя Клаус присел на табурет. – Я расскажу тебе историю про... зелёную кошку! Много лет назад, когда герцог Альбрехт ещё был Великим магистром Тевтонского ордена, рыцари в этих местах построили трактир... Как заведено, самой первой гостью в жилище должна быть кошка...

Анхен закрыла глаза, и её ротик растянулся в улыбке.

– Вот нашли подходящую, серо-чёрную... а может, чёрно-серую... и пустили осваивать помещение. Кошке заведение понравилось, и с тех пор трактир начал работать. Много разных гостей приходило туда. Останавливались перекусить, выпить, случалось, что гостили там по несколько дней...

Я подошёл ближе. Анхен изо всех сил старалась заснуть.

– Но посетители случались разные, – продолжал дядя Клаус, – некоторые были нечисты на руку, старались обмануть, обсчитать, подсунуть фальшивую монету... И тут все заметили, что возле таких посетителей появляется кошка, которая сразу начинает вести себя недружелюбно: шипит, выгибает спину... А в свете свечей её шерсть начинает приобретать зеленоватый оттенок!.. С тех пор нечестные люди зареклись приходить в этот трактир, который в народе назвали «Зелёная кошка». Знали: та не даст им обмануть хозяев!

Анхен быстро заснула.

– И что же было потом? – шёпотом спросил я, поскольку мне было чрезвычайно любопытно, чем же закончилась эта история.

А ничего, – так же тихо ответил дядюшка. – У кошек, как известно, век не долгий... А трактир так и стал носить название «Зелёная кошка»... Только сказывают люди, что... то на дереве возле него, то в подворотне... видят иногда кошку с зелёной шерстью...

Дядюшка повернулся к матери.

– Марта, – произнёс он. – Как Анхен начнёт подниматься, завари ей вот эти травы. Пусть дышит паром, накрывшись полотенцем, – он подал ей мешочек с сухими снадобьями. – Это – обязательно. Каждый день по два раза... Тут у меня шалфей, ромашка, мята, сосновые почки, цветы клевера... Можно полоскать горло этим настоем...

Мы вернулись за стол.

– Если будут головные боли, – продолжал дядя Клаус, – то их облегчает чай из чабреца или калины, отвар и настой корня валерианы, сок чёрной смородины и свежего картофеля, прикладывание к голове листьев белокочанной капусты. Кое-что из этого есть в моей сумке. А вообще, скоро ваша Анхен будет здоровой.

– Выпей ещё, братец, – матушка наполнила его кружку медовухой. – Господи, какое счастье, что ты у нас – такой знающий человек!

– Ты, Клаус, – настоящий лекарь! – подтвердил отец. – Не то, что наши городские кровопускатели и костоправы-костоломы!

– Спасибо тебе, братец! – у мамы навернулись на глаза слёзы.

– Ну, что вы, – погладил усы Клаус. – Я останусь у вас до тех пор, пока мы все не увидим изменений к лучшему... Но, думаю, уже завтра дело пойдёт на лад.

Некоторое время вся семья с превеликим удовольствием «разбиралась» с яствами, которые матушка нагрузила на стол.

– Давай, Петер, – услышал я голос отца, – налетай на еду! Марта! Принеси-ка нам буженины! Это старый пивовар Мартин Хозе принёс мне за подковы, которые я ему выковал, но я ещё не спрятал её в подпол!

– Да, давно у нас не было такого богатого ужина! Ему мог позавидовать, пожалуй, даже бургомистр Инстербурга!

Я давно уже насытился и сидел за столом просто так, мне нравилось наблюдать за членами нашей семьи в компании с дядюшкой Клаусом. Бортник рассказывал о своём хозяйстве, о встречах в лесу с дикими животными, о травах и пчёлах... Отец и мать иногда задавали вопросы, на которые Клаус с удовольствием отвечал.

Наконец, и он на некоторое время прервал трапезу и о чём-то задумался, глядя на виляющую хвостом собаку...

– Что же ты не ешь, братец? – тут же спросила матушка.

– Наелся, благодарю, – ответил тот. – А скажите мне, Марта, Ганс, Карл и Петер, где тут можно купить... хорошего пса? Точнее, щенка... Мой старый Перс вот-вот околеет...

– Жаль, – ответил отец. – Перс был добрым псом. Но я поговорю с Бернардом Настаюсом. Это – заводчик собак. Он подберёт тебе хорошего, здорового щенка. В лесу без собаки и впрямь нелегко...

– Да, без хорошей собаки – никак, – пробормотал в ответ Клаус. – Вот бы завести себе такого, как чёрный пёс Йоштунас...

– А что это за пёс? – тут же спросил я. – Чем он знаменит?

– О, – ответил дядя, – он из тех собак, что служат и после смерти! Вот, послушай одну историю...

Когда-то замка Инстербург не было, а была крепость, в которой жили пруссы, и которая защищала их земли от захватчиков... Пруссы были хорошими воинами и имели собак, которых обучали на свой лад... Например, если случался поединок между людьми, то собаки окружали место схватки по кругу. Но сами они в драку никогда не лезли...

Я, затаив дыхание, слушал новую историю от дядюшки Клауса.

– И вот однажды пришли тевтоны, разрушили крепость и увели людей в плен... Но хорошо обученные собаки остались в захваченном городище, они продолжали исполнять свой долг, охраняя свой дом. Когда жителей совсем не осталось, псы стали нападать на рыцарей, так они мстили им за гибель своих хозяев. Предводителем собачьей стаи был большой чёрный пес Йоштунас.

Никто не прерывал рассказ старого знахаря. Тот, отпивая из кружки медовуху, продолжал:

– Долго продолжалось это противостояние. Собаки преследовали рыцарей, а те охотились на собак. В конце концов, остался один только чёрный пёс Йоштунас, который после своей смерти остался вечным хранителем этих стен, защитником своего дома...

– Я слышал об этом, – заметил отец. – До сих пор поговаривают, что призрак большой собаки порой появляется в Замке.

– Как бы оно ни было, – добавил Клаус, – но и сейчас в нём находят камни со следами собачьих лап.

– Хорошо. Завтра я отправлю Карла к Бернарду Настаюсу, он выберет тебе отличного щенка.

– Я попрошу чёрного, – с улыбкой ответил брат.

– Вот и хорошо. А сейчас у меня к вам, друзья мои, другое предложение...

– Какое? – удивились отец и мать.

Дядюшка метнул на меня быстрый взгляд и хитро улыбнулся.

– Вы уже убедились, что каждой семье требуется хороший лекарь, который со знанием дела найдёт правильный способ лечения, и поставит больного на ноги в кратчайший срок...

– Это, конечно, так... А мы, как только кто-то заболевает, сразу теряемся, боимся навредить и спешим к городскому врачу...

– Я бы хотел, чтобы ваш Петер стал таким... умелым и знающим врачом!

– Ты хочешь, чтобы Петер пошёл к тебе в ученики? – матушка то ли удивилась, то ли обрадовалась.

– Нет, Марта. Петер должен учиться в кёнигсбергском университете. В самой Альбертине! У него есть тяга к знаниям, он любознателен, да и городская школа дала ему кое-что! Он уже владеет латынью, а это необходимо для обучения в таком заведении... Я понимаю, потребуются немалые деньги... Что ж, если вы сами не справитесь, то кое-чем помогу я... Ваш Петер должен стать образованным человеком... В своё время я сам мечтал об университете, уж поверьте мне...

Глава 3. Путь в Альбертину

Продолжая своё повествование, я вновь осмелюсь совершить небольшой скачок во времени через несколько лет. В тот период моей жизни происходили разные события, по большей степени, малозначимые, поэтому освещать их я не счёл целесообразным. К тому же, я не описываю собственную жизнь с мельчайшими подробностями. Моя цель – поведать потомкам о невероятных, иногда – ужасных событиях, коим мне довелось быть живым свидетелем. Впрочем, я достаточно близко подошёл к тому, чтобы начать их излагать.

Но, всё по порядку...

12 мая 1706 года, когда мне ещё не исполнилось шестнадцати, отец позвал меня к себе. Он только что пришёл с работы, сел на табурет, упёр мощные, натруженные руки в края кухонного стола, за которым мы любили собираться вместе и трапезничать, и, кивнув мне на второй табурет, чтобы я сел рядом с ним, начал разговор.

– Сынок, я хочу задать тебе один вопрос... Он очень важен, как для тебя, так и для всех нас..., – отец замолк, подбирая нужные слова.

Взволнованный, я уселся на краешек табурета, теребя в руках веточку сирени, которую минутой ранее собирался поместить в вазу с водой, и приготовился слушать. Мне было хорошо известно, что мой немногословный отец всегда предпочитал стойко сносить любые удары судьбы, но не сходить с избранного пути. Отговорить его от исполнения задуманного было практически невозможно. Даже если он оказывался в чём-то неправ, то всё равно оставался при своём мнении. И если изредка какая-нибудь эмоция появлялась на его суровом лице, то очень ненадолго и редко бывала настолько яркой, чтобы её кто-то мог заметить.

– Петер, ты неплохо окончил городскую школу и набрался кое-каких премудростей, – продолжал отец. Обычно он говорил довольно сбивчиво и каждая более-менее длинная фраза давалась ему с трудом. – Моё мнение таково..., впрочем, и мать со мной согласна, и Карл, и даже дядюшка Клаус... что тебе нужно учиться дальше... в кёнигсбергской Альбертине. Как ты, верно, догадался, речь идёт о ремесле врача... Но, тут важно, чтобы у тебя самого было желание постигать науки. Если оно есть, то мы хоть завтра отправимся в Кёнигсберг и встретимся там с людьми, которые возьмут тебя под свою опеку. Ежели нет, то поедешь к Клаусу учиться его ремеслу...

Что-то перевернулось у меня в душе. Вот и наступил он, тот самый момент, когда всё меняется в судьбе. Уже не будет прежней моей жизни, в ней наступил новый этап. Это значит, что детство моё закончилось.

Отец сидел рядом, огромный, мощный, и смотрел на меня каким-то просящим, беззащитным взглядом. Возможно, вы сами замечали, что любовь отца совсем не похожа на любовь матери. В ней обычно мало слов, но она – также бесценна.

– Отец, мне по душе учиться, – ответил я тихим, дрогнувшим голосом. – Это – моё заветное желание, клянусь. Я готов прилежно осваивать все науки, которые будут нам преподавать!

– Вот и славно, – вздохнул отец. – Я надеюсь, что фамилия Коффер не будет звучать в числе имён отстающих студентов, хулиганов и бездельников... А через несколько лет ты вернёшься к нам, и будешь служить доброму делу, избавляя людей от всевозможных недугов.

На следующий день я уже собирал свои нехитрые пожитки.

В Кёнигсберг мы отправились по реке, хотя изначально намеревались ехать по суше. Но один из приятелей отца сообщил, что отправляет в Альштатт лес. На одном из плотов мы спокойно добрались до Кнайпхофа, где причалили к берегу и выбрались в город-остров. Именно здесь располагался кёнигсбергский университет, носящий имя – Альбертина. А путешествие наше заняло около двенадцати часов.

Я, признаться, был обескуражен городским видом – столько высоких домов, стоящих вблизи друг от друга, я в нашем Инстербурге не видел. Люди здесь одевались по европейской моде – они важно шествовали в изысканных, длиннополых кафтанах, в чулках и башмаках. Зажиточные горожане носили парики... Сразу стало понятно, что мы прибыли в столицу Восточной Пруссии, а не в какую-нибудь провинцию.

Кнайпхоф изначально строился на сваях, которые тысячами вбивались в грунт. Со временем он «оделся» в каменные берега. Со своими городами-собратьями – Альтштадт и Лёбенихт остров соединялся Лавочным и Кузнечным мостами. На Форштадт вели Зелёный и Потроховый мосты, на остров Ломзе – Медовый. Сам Кнайпхоф, несмотря на Университет, издавна носил звание «мистической столицы Пруссии» – здесь, поговаривали, постоянно селились разные маги и чернокнижники, они создавали на острове свои школы. Странно, но эти люди чувствовали себя тут вольготно, никто их особо не преследовал. Наверное, они не имели прямого отношения к колдовству, иначе гореть бы им на костре или томиться в Голубой башне – самой старой тюрьме Кнайпхофа.

Мы с отцом несколько выделялись на фоне местных жителей. Хотя, я был одет по-простому, как одевалось и большинство мальчишек, бегающих по Кнайпхофу – светлая рубашка, поверх которой накинут жостокор, колоты с белыми чулками и тяжёлые башмаки. На голове, как водится, шляпа. Отец тоже оделся по-городскому – поверх сюртука он набросил плащ и прицепил сбоку шпагу, которой никогда не пользовался. Но за целую милю было видно, что мы прибыли из провинции. Впрочем, подобных нам, людей в Кнайпхофе тоже было немало.

Мы приплыли утром, когда на улицах было полно народу. Люди толпились на рыночной площади, много горожан скопилось возле Зелёного моста, а с Лавочного на остров двигались телеги с разными грузами.

Мы не спеша направились мимо Кафедрального собора в сторону здания Альбертины. По мере приближения к нему, отец высматривал в людской толпе человека, к которому можно было бы обратиться с просьбой помочь в интересующем нас вопросе. Вот прошли несколько студентов с книгами подмышку, отец не стал их останавливать. Вот появился господин, наверняка, служащий в Альбертине. Но настолько важный был у него вид, что отец не решился тревожить эту самодовольную и напыщенную персону.

И вот, из дверей Альбертины вышел аккуратно одетый, невысокий сухощавый человек, лет пятидесяти пяти... Он поправил шляпу, огляделся и не спеша направился в сторону Лавочного моста. Отец тут же подошёл к нему.

– Доброе утро, милейший, – отец приподнял шляпу и учтиво поклонился. – Смею ли я надеяться, что встретил учёного человека, для которого храм науки – второй дом? – Видимо, это витиеватое приветствие отец ещё дома выучил наизусть.

– Да, сударь, – ответил пожилой человек, и глаза его вспыхнули в лучах солнца. – Чем могу быть вам полезен?

– Видите ли, – отец обрадовался, что сразу нашёл человека, с которым можно завести разговор на интересующую нас тему. – Я привёл своего сына. Он имеет желание обучаться в Альбертине. Не подскажете ли, к кому нам обратиться, чтобы решить этот вопрос достаточно быстро?

Незнакомец внимательно оглядел меня.

– Весьма похвально, юноша, что вы решили учиться в Университете. На какой факультет, если не секрет, собираетесь поступать?

– На медицинский, – в два голоса ответили мы с отцом.

– Тогда вы повстречали того, кого надо, – усмехнулся пожилой человек. – Позвольте представиться: профессор медицины Иоганн Майбах!

Я сразу почувствовал симпатию к профессору. У него было открытое, умное и, одновременно, доброе лицо. Такой человек, подумал я, не способен на подлость. В ответ на мои мысли глаза профессора вновь вспыхнули тысячами хитринок.

– Так что бы вы нам посоветовали предпринять, герр профессор? – спросил отец. – Мы – люди простые, я – кузнец из Инстербурга, а мой сын, как следует из вышесказанного, сын кузнеца... – сегодня отец просто блистал несвойственным ему красноречием.

– Не волнуйтесь, – последовал быстрый ответ. – Мой отец тоже был обычным каменщиком. Но и сын каменщика, как видите, достиг некоторых высот в науке. Главное – прилежно учиться и на определённом этапе обучения – не испугаться самых смелых своих фантазий... Могу ли я поинтересоваться, юноша, *ubi studium ante* (2)?

– Да, господин профессор, *in schola in Insterburg* (3) ... А моё имя – Петер Коффер!

– Взгляните, – отец протянул профессору свидетельство об окончании мною школы в Инстербурге. – Петер – способный ученик!

– Прекрасно! – ответил Иоганн Майбах, мельком пробежав строки, начертанные на листе бумаги. – Прежде чем вы будете зачислены на учёбу, вам надо будет выдержать испытание по нескольким дисциплинам. Возможно, вам понадобится посещать подготовительные занятия... У вас есть, где остановиться?

– К сожалению, нет...

– Тогда, уважаемый...

– Ганс Коффер! – выпалил отец.

– Тогда, уважаемый Ганс Коффер, вашего сына мы определим на ночлег к другим студентам. Но сначала мы пройдем к нашему ректору, чтобы уладить вопросы с поступлением и проживанием. Вы не волнуйтесь, я лично возьму вашего сына под опеку, уверяю вас, осенью он будет уже студентом и начнёт обучение в университете по программе...

– Так, значит...

– Да, сегодня вы можете со спокойной душой возвратиться в Инстербург. Ваш Петер – в надёжных руках! – профессор взял меня под руку. – Пойдёмте, юноша, я вас ознакомлю с разными тонкостями нашей университетской жизни.

Похоже, отец оторопел.

– А когда же он теперь появится дома...?

– Почти через год, – продолжил Майбах. – И то – ненадолго. Первый семестр у нас начинается в середине сентября, а заканчивается к Пасхе...

Дальнейшие события разворачивались быстро, так же стремительно и заканчивались. Всё происходящее передо мной было, словно во сне. Профессор представил нас ректору университета, я, конечно же, не запомнил его имени. Отец сразу поинтересовался размером оплаты, на что университетский начальник ответил:

– Когда ваш сын будет зачислен студентом, сударь, тогда и начнём разговор о деньгах. Но для этого ваш Петер сначала должен пройти подготовительный курс в коллегиях факультета вольных искусств... Всего дисциплин у нас семь, а курс делится на два цикла: тривий, это базовый цикл, включает грамматику, логику (диалектику) и риторику, а также квадривий, куда входит изучение арифметики, геометрии, астрономии и музыки, то есть – гармонии. Я надеюсь, что ваш сын осилит эти премудрости и далее сможет продолжить учебу на факультете медицины.

Был вызван секретарь, составлен договор, отец внёс сумму на подготовительный курс, а также оплату за проживание. Его обязали прибыть в университет к середине сентября и внести плату уже за основное обучение.

Обратно отец поехал по суше. Его старый знакомый Георг Шлямус отправлялся в Инстербург, он сопровождал две телеги с тюками и рулонами английской материи. Ему

был просто необходим крепкий попутчик, способный отогнать возможных грабителей. Георг с радостью предоставил место рядом с собой моему отцу.

Мы простились на берегу Прегеля, всё на том же Кнайпхофе. Расставание не было длительным и слезливым. Мы обнялись по-мужски, отец хлопнул меня по плечу:

– Давай, Петер, – бросил он. – Помни всё, о чём ты говорил мне, и Господь не оставит тебя. Уверен, что осенью ты станешь настоящим студентом!

– Поклон всем нашим, – ответил я. – Особенно дядюшке Клаусу!

– Да, встречу старого лешего, передам...

– Пойдём, будущий студент Петер Коффер, – проговорил профессор Майбах, – я покажу тебе твоё будущее жильё. Основная часть приезжих студентов проживает в коллегиях при Университете, здесь же. Но там и места маловато, и свободы, к тому же шумно. У нас есть другие пристанища для студентов – на Закхайме, в доме Мартина Шпеера. Там тоже не королевские покои, но всё, что необходимо студенту, имеется.

И мы направились в сторону Кузнечного моста.

– У нашего Университета, – по дороге объяснял мне радушный профессор, – как и у всех европейских учебных заведений нашего ранга, – особый статус! Это повелось ещё с герцога Альбрехта, основателя Академии. Государство не лезет в наши дела, чем мы весьма довольны. У нас – собственный герб, гимн и девиз. Студенчество разделено на Братства, по земельному принципу. Тебе придётся вступить в одно из них, и не подумай, что это – баловство, детские игрушки. Каждое Братство тоже имеет свой герб, мало того, – своё заведение в городе, где студенты отмечают праздники, решают общие дела, а порой просто напиваются. Надеюсь, у тебя хватит ума воздерживаться и от вина, и от азартных игр? Я пообещал твоему отцу, что возьму тебя под свою опеку, так что, не обижайся – надзор за тобой будет серьёзным! – он усмехнулся, но по-доброму, никакой угрозы в его голосе я не уловил.

– Господин профессор, а какой девиз у Альбертины? – задал я вопрос Майбаху.

– «*Scientia potentia est*» (4), – ответил тот. – И это не пустые слова. На лекциях вам станут читать труды известных медиков и философов, включая Галена, Авиценну, Гиппократы... Если ты усвоишь только то, что тебе будут втолковывать преподаватели, а не научишься самостоятельно мыслить, сам искать необходимые тебе знания, то можешь считать, что обучение в Университете прошло зря. Позже я поясню то, что сейчас тебе сказал. Я бы хотел, чтобы ты стал настоящим врачом, а не одним из тех, кого люди называют «костоломами» и «коновалами».

Мы перешли по мосту тихий и задумчивый Прегель, я не мог не залюбоваться лодками с парусами, которые легко лавировали по реке. Заметив мой взгляд, профессор, промолвил:

– Когда-то и я мечтал о морях и дальних странах... Поверь, Петер, для ищущего и думающего человека ремесло врача открывает такие просторы, которые вполне можно сравнить с океанскими...

Мы перешли на противоположный берег и оказались в городе Лебенихт. Трёх-, четырёх- и пятиэтажные дома громоздились, казалось, друг на друга. Между ними пролегали узенькие улочки. То тут, то там по брусчатке громыхали колёса телег, стучали подковы, воробьи рылись в кучках конского навоза... Народ спешил по своим делам – кто вёз на рынок товар, кто возвращался с покупками. Малышня резвилась, бегая по лужам, пугая голубей и кошек.

– Нам – направо, – сказал профессор, и мы повернули к местечку, носящему название Закхайм.

Расстояние, которое мы прошли, было небольшим, но приходилось часто сворачивать, перешагивать через канавы, по которым текли нечистоты, нагибаться, чтобы не стукнуться лбом о нависающие над головой балконы.

По пути Майбах сообщил мне, что Закхайм является продолжением Лебенихта и, к сожалению, пользуется дурной репутацией у порядочных горожан. Да и сам Кёнигсберг – далеко

не благоухающий край с одними лишь дворцами и фонтанами. Здесь полно грязных улиц со стойким запахом рыбы, нечистот и сырости.

– А где грязь, – хмуро заметил профессор, – там обязательно возникают болезни! А у нас, к сожалению, не принято мыть свои руки и тело, регулярно стирать одежду...

Мне тоже, порой, казалось, что наш Инстербург пах гораздо приятнее.

В Кёнигсберге, как и в любом европейском городе, все городские помои было принято сливать в открытые сточные канавы. Летом полной грудью в центре города дышать было невозможно, но не только это беспокоило горожан. Их одолевали крысы и блохи!

– Чистота улиц, дорогой мой Петер, – рассказывал профессор, – все эти годы, в основном, соблюдалась только в замках Тевтонского ордена и поддерживалась его гарнизоном. Остальное войско Кёнигсберга селилось за пределами замка, осваивая всё новые территории. Так и появился наш Закхайм – маленькое селение чуточку в стороне от жилого центра Кёнигсберга.

Майбах успел мне поведать, что Закхайм возник ещё в прусские времена и даже сохранил своё первоначальное имя, ведь само его название произошло от прусского слова «Sakkeim», что переводится как «деревня на лесной вырубке». Понятно, что раньше на месте этого района был густой лес, в котором, наверняка водилось много зверья и лесные пчёлы.

Закхайм довольно удачно расположился у реки. Это давало ему определённые таможенные права, позволяя контролировать и распределять грузы, прибывающие из глубины Пруссии по Прегелю.

– Здесь, Петер, полно приютов, богаделен, школ и прочих учреждений, призванных помогать людям. Три года назад тут построили Королевский сиротский дом. А неподалёку – дом Мартина Шпеера. Часть его он отдал на нужды Университета. В комнатах у Шпеера живёт около полусотни студентов... А кроме этого, в Закхайме немало церквей и часовен...

Ветер подул с берегов Прегеля. Несмотря на май, я почувствовал прохладу. Да и небо заволочло тучами.

– Тут совсем рядом, – поторопил меня Майбах. – Устроишься, отдохнёшь, а завтра к шести утра – на занятия. Я буду ждать тебя у входа...

Благодарю вас, господин профессор. Я приду вовремя.

Я внимательно рассматривал строения пригорода, подчинённого кёнигсбергскому замку, и имеющему, как я уже узнал, собственный суд, печать и герб.

Щитом Альтштадта, самого старого города, возникшего возле замка Кёнигсберг, являлся Лёбенихт. А тот, в свою очередь, должен был прикрываться Закхаймом. Дома здесь практически все были фахверковыми (5) балок. Эти балки видны с наружной стороны дома и придают зданию характерный вид; пространство между балками заполняется глинобитным материалом, кирпичом, иногда также деревом.). Я помнил разговоры о пожаре в Инстербурге, там горели точно такие же дома. Известно, что плотная застройка фахверковыми зданиями является идеальной средой для разгула огня, но такие дома стояли везде – и на Кнайпхофе, и в Лёбенихте, и в Альтштадте.

Здесь, в Закхайме достаточно высокие налоги, – заметил профессор. – Но, как я уже говорил, Альбертина от них освобождена. Поэтому, хвала Господу, и плата здесь божеская. Вообще-то, в народе как говорят... «Альтштадту – власть, Кнайпхофу – богатство, Лебенихте – земля», а «Закхайму – бедокуры»... Эта слобода на самом деле известна своими пьяницами и хулиганами, но зато рождаемость здесь самая высокая во всем Кёнигсберге... К твоему сведению, Закхайм в основном заселяют литовцы, как приезжие, так и оседлые. Именно они очень любят пошуметь... Кёнигсберг, Петер, – город многих национальностей, здесь созданся особый этнос. Хоть и изъясняемся все мы на немецком языке, но являемся ли немцами – это ещё вопрос. Здесь намешаны традиции нескольких европейских народов...

Наконец, мы подошли к довольно большому дому с высоким крыльцом, над которым порхали милovidные ангелы, с большим искусством вылепленные из гипса. Профессор позволил висящий возле двери медный колокольчик.

– Вот твой дом, Петер.

Глава 4. Размышления о теле и духе

Продолжая своё повествование, я вновь перешагиваю на некоторое время вперёд. Я не помню, чтобы годы 1706, 1707 и 1708 оставили какой-нибудь заметный след в истории Восточной Пруссии, хотя вся Европа вновь задыхалась в пожарищах войны. Оружие гремело во Франции и Нидерландах, шведский король Кард XII вошёл в Польшу, затем двинулся на Великое княжество Литовское. Но стены и бастионы кёнигсбергских укреплений были крепки, а откровенных врагов у нас не имелось, поэтому и не было повода пугаться страшного лика чужой войны.

Я успешно сдал все экзамены по подготовительному курсу *Artesliberales* (6) и был принят в Университет.

Университетские годы, какими бы они ни были напряжёнными, остаются удивительными, яркими воспоминаниями каждого бывшего студента на всю его жизнь. Долгие, скучные лекции на латыни, зубрёжка, чтение и переписывание книг титулованных в медицинском мире авторов, жаркие диспуты в аудиториях и весёлые попойки в свободное от учёбы время, иногда – голод и периоды полного безденежья, ссоры и дуэли – это неперенные атрибуты каждого кёнигсбергского бурша.

Нашими основными педагогами по медицине были профессор Клодт и Майбах, магистры Кольтенброк, Лидис и Альтмеер...

Однако... чтение книг и зубрёжка медицинских терминов не давали желаемой полноты знаний. Нам, студентам, для изучения строения и работы человеческого тела было крайне необходимо вскрывать мертвецов. Как говорил профессор Клодт: «*Rerum omnium magister usus est!*» (7) Препарирование в медицинских целях необходимо и даже неизбежно! Это – самый плодотворный путь познания закономерностей анатомии человеческого тела, понимания сущности его органов и поражающих их болезней, важнейшее условие пополнения ваших знаний». Этот самолюбивый и тщеславный профессор чрезмерно дорожил своей репутацией. Таких, излишне придирчивых наставников чаще боятся, нежели уважают или любят. Но говорил он, порой, правильные вещи.

И вот, по прошествии года с тех пор, как я воткнул в свой домашний сюртучок булавку (8), мы, на факультете медицины, взялись за ланцеты...

Историки медицины подтвердят, что во все века чаще всего объектами медицинских экспериментов становились животные. Исследования на них проводили такие корифеи, как Гален, Везалий, Гарвей и многие другие. Но было огромное неудобство в работе – это реакция животных на боль, причиняемую ножом. Правда, давно был открыт способ, как удалить эту помеху: следовало всего лишь проделать отверстие в горле животного или перерезать ему гортанный нерв.

Однако человеческая совесть подсказывала нам, что всякое страдание, причинённое другому существу – безнравственно, поэтому при любой возможности мы старались препарировать тела умерших людей... «К сожалению, в трупе нет движения, а всякое движение лучше наблюдать на живом существе... – театрально вздыхал профессор Клодт, добавляя при этом: – И всё же, хвала Господу, нам иногда позволяют проводить занятия с трупами для изучения человеческого организма...»

Примерно раз в год на медицинский факультет Альбертины доставляли тело казнённого палачом человека. По такому случаю нас собирали в специальном помещении, возвышенно называемом «анатомическим театром», центром которого был широкий стол, на котором располагался объект для препарирования. Вооружённый острым ланцетом преподаватель потрошил труп сам, и охотно предлагал сделать это нам, студентам. «Судя по цвету кожи и нездоровой худобе, данный человек страдал болезнью желудка, – например, говорил нам

магистр Иоганн Альтмеер, когда мы приступали к подобным исследованиям. – Давайте взглянем на него изнутри и попробуем определить, что послужило причиной подобного недуга. Внимание, господа студенты, я делаю надрез брюшной стенки и предъявляю вам желудок умершего. Кто там отворачивается, господа бурши? Смелее, подходите поближе... Вы видите, каково состояние этого важного человеческого органа? Он похож на надгрызенное яблоко... А теперь, студент Петер Коффер, возьмите ланцет и извлеките нам на обозрение печень этого несчастного...» И я, поначалу, судорожно сдерживая рвотные позывы, брезгливо подходил к лежащему на столе трупу, всеми силами стараясь не смотреть ему в лицо...

Как бы отвратительно не выглядели подобные эксперименты, все понимали, что они необходимы. Со временем, мы привыкли к виду разрезанного человеческого тела и его мерзкому запаху, тем более, что внутри обычно находилась масса интереснейших вещей... «А ведь когда-то это тело жило, двигалось, было тёплым, – думал я. – Оно что-то чувствовало, кого-то любило, нуждалось в одежде и пище, требовало отдыха и утешения...»

Особое «пристрастие» к препарированию трупов имел профессор Майбах. Тот самый, который взял меня под свою опеку и за что я, собственно говоря, был благодарен ему. Но его интересовали не столь внутренние органы, сколь таинственное место, где могла находиться животворящая жизненная энергия, некая *agens* (9) «разбудив» которую, как полагал профессор, можно было избавиться от любой болезни. Не все были согласны с его теорией, многие считали, что подобная «энергия», если она вообще существует, разлита по всему телу человека. Профессор в споры не вступал, лишь тактично посмеивался. Однако, как говорили другие «светила» медицинской науки, частенько его пациенты, от которых отказывались другие лекари, выздоравливали самым чудесным образом.

По прошествии некоторого времени, медицина захватила меня с головой, руками и ногами. Как и предсказывал тот же Майбах, на каком-то этапе у меня начали «фонтировать» собственные идеи, я стремился к знаниям, как загнанный олень на водопой... «Устройство» человеческого организма, взаимодействие отдельных его частей, выполняемые ими функции, а также их возможные нарушения, интересовали меня всё больше и больше. Заметив мою любознательность, ко мне как-то подошёл магистр Кольтенброк.

– Петер Коффер, – обратился он ко мне. – Желаешь ли ты чаще бывать в анатомическом театре, дабы полнее и основательнее изучить строение человеческого тела?

Магистр Михель Кольтенброк был сухощавым человеком лет тридцати, начавшим рано лысеть. Оставшиеся у него жидкие пряди волос он прикрывал париком. Его тёмные глаза смотрели на каждого, казалось, с подозрением, но это только казалось, поскольку сам он был человеком бесхитростным, простодушным и не желающим никому худого. Он чрезвычайно много знал и был хорошим преподавателем. Ему не терпелось получить профессорскую должность, и все мы были уверены, что рано или поздно он своего добьётся.

– Рассматривая и препарировав человеческое тело всего лишь раз в году, это – если официально, – продолжал он, – много ли знаний получишь, выглядывая из-за спин своих товарищей?..

Я молчал, собираясь с мыслями.

– Но многие учёные люди, как на Западе, так и на Востоке, умеют находить трупы для подобных упражнений, обходя существующие запреты, и пополнять свои знания, проводя с ними медицинские эксперименты... И это происходит на протяжении целых столетий!.. Ты понимаешь, к чему я клоню? – Его чёрные глаза зажглись каким-то неестественным огнём.

– Понимаю, – ответил я. – И – остерегаюсь. Ведь это – незаконно. За такие деяния грозит суровое наказание...

– Конечно, – магистр положил руку мне на плечо. – Ведь это – богохульство... Отойдём-ка в сторонку... Возьми книгу и раскрой её. Пусть все думают, что мы говорим об искусстве Галена...

Мы отошли в сторону от коридора, по которому степенно прогуливались педагоги и шумными ватагами передвигались студенты.

– Но если за дело взяться с умом... – голос Кольтенброка стал тихим, даже вкрадчивым, – то можно избежать любых неприятностей. Пойми, нам, лекарям, без знаний об устройстве человеческого организма, нечего делать на стезе врачевания! Если ты умеешь хранить тайны, я тебе расскажу кое-что про нас, людей, которые добывают трупы и умеют сделать процесс изучения анатомии человека, при его незаменимости, ещё и незаметным! *A propos* (10), если захочешь стать членом нашего... кружка, то милости просим. Нам как раз не хватает толкового и смелого парня!

Меня одновременно озадачили и порадовали слова магистра. Ведь так хотелось выяснить для себя некоторые вопросы, касающиеся «внутреннего мира» человека, и тут неожиданно поступает такое заманчивое предложение! К тому же, я уже слышал, что у процесса приобретения трупа для его последующего препарирования и изучения анатомии есть и неофициальная сторона, более доступная и дешёвая, хотя и менее безопасная...

– Я согласен, – вырвалось у меня. – Что нужно делать?

Магистр облегчённо вздохнул и улыбнулся.

– Я знал, что ты неглупый парень, Петер Коффер. Ты ведь состоишь в братстве Пруссия? – уточнил он. – Ваша компания собирается в Альтштадте в трактире «Усы сома»? Я и мои сторонники будем ждать тебя там в семь вечера. Приходи и мы поговорим обо всём более обстоятельно...

За два с небольшим года, проведённых мною в Альбертине, я освоил все прилегающие к ней окрестности. Путь на Альтштадт лежит с Кнайпхофа по Лавочному мосту. Далее, по улице Хлебных лавок, мимо ратуши и чуть левее, в сторону крепостной стены располагается церковь святого Николая, за нею – рыночная площадь и неподалёку – трактир «Усы сома». На севере Альтштадта расположен Королевский замок, огромное и величественное сооружение, построенное тевтонцами ещё в XIII веке, а на востоке – Лёбенихт, за которым разбросаны постройки Закхайма.

Если Альтштадт и Лёбенихт – это города-мастера, то Закхайм – наверняка, подмастерье. Окраина для подсобных работ, я так назвал бы район, где располагалось место моего проживания. В восточной части пригорода находились Закхаймские ворота, которые возвели сто лет назад вместе с вальными сооружениями, защищающими город. Здесь же расположена Сиротская площадь, где стоит Королевский сиротский дом. Дом Шпеера со студенческим приютом находится ближе к набережной. Население здесь, как заметил ещё профессор Майбах, когда впервые привёл меня сюда, и впрямь было разношёрстным. Кроме немцев, было полно пруссов и литовцев, много людей приехали из разных стран Европы – французы, венгры, поляки...

В округе находилось много мастерских – кожевенных, обувных, оружейных, швейных и других, а также великое множество фахверков. Здесь, в Закхайме, складировались и взвешивались все товары, перемещающиеся по Прегелю. Поэтому особое место среди местного рабочего люда занимали грузчики. В основном, это были литовцы – шумные, крикливые и яростные в драках. А потасовки и скандалы здесь случались довольно часто. Вечерами грузчики напивались в трактирах, и тогда покой местным жителям виделся только во сне.

Да и мы, студенты, надо отдать должное и нам, тоже не были тихонями. Некоторые из нас делали в Университете всё, что угодно, но только не учились. Устроить дебош в трактире? – пожалуйста! Напиться вдрызг? – сколько угодно! Волочиться за трактирными девками? – будьте любезны! Кстати, с последними у нас, буршей, была крепкая дружба. Женщины лёгкого поведения любили студентов, а мы, оставшись без присмотра родителей, чувствовали свободу и неуёмную энергию, особенно, когда в карманах звенели талеры.

Итак, мы жили в доме Шпеера по трое-четверо в одной комнате. Вместе ходили на занятия, сообща готовились к лекциям, вместе отдыхали и забавлялись, придумывая всё новые развлечения, на которых у нас всегда хватало и времени, и фантазии.

В Университете существовало несколько братств: Пруссия, Ганза, Мазовия, Литва... Здесь, в доме Шпеера, присутствовали представители всех университетских братств. Я, как уже знал магистр Кольтенброк, входил в братство Пруссия. Едва мне посчастливилось стать студентом, как мои будущие однокашники провели со мной обряд приёма в братство, заключившийся в том, что меня обстригли самым безобразным образом, за что я был вынужден ещё и заплатить. Но, так было надо – это традиция, которой сотни лет...

В небольшой комнате нас жило трое: я, Роберт Финкель, богослов, и Манфред Гус, юрист. Последний, кстати, тоже входил в братство Пруссия. К тому же, он был славным парнем, и мы с ним вскоре крепко сдружились.

В понедельник 6 августа 1708 года, вернувшись с занятий, я сел за учебники, намереваясь закончить подготовку к лекциям до шести часов. К семи часам я собирался прогуляться в Альтштадт в трактир «Усы сома», где меня должен был ожидать магистр Кольтенброк со своими друзьями, похитителями трупов. Я прекрасно знал, что некоторые студенты и сами выкапывают свежие трупы на кладбищах, другие же используют для этого кладбищенских воров, которым платят определённую сумму за столь грязную работу. Также мне было известно, что, порою, то из администрации городского погоста, то из монастыря, приходят жалобы бургомистрам на то, что ночью был похищен очередной труп. Местные власти злились на нас и, при желании, могли устроить показательный процесс, обвинив кладбищенских воров не в научном рвении, а в колдовстве. Мой друг Манфред, будучи знатоком юриспруденции, так и заявил: «Пока у нас действует свод законов „Каролина“ (11), в колдовстве может быть обвинён каждый, кто поступает не так, как принято среди добрых христиан».

Читая Галена «*De usu partium corporis humani*» (12), я запнулся на его фразе про «короткошеих живых существ», одним из которых является человек, чьё строение, собственно, древний медик и постарался описать. Как назло, на этом месте я остановился и долго не мог продвинуться дальше. Мою голову заняли совсем другие мысли.

Неужели я тоже стану похитителем трупов? Мысль о том, что я ночью, на мрачном, пустынном кладбище буду раскапывать могилу, вскрывать гроб и вытаскивать из него мертвеца, приводила меня в ужас. С другой стороны, я буду не один. Многие студенты уже испытывали это, и не один раз. Кое-кому даже нравится таким образом «щекотать» себе нервы. Зато потом я смогу спокойно изучать строение человеческого тела, его органы... Ведь к этому же стремился и Гален, раскрытая книга которого в данный момент лежит у меня на коленях... Как же я собираюсь лечить людей, не зная строения человеческого тела?»

Я подошёл к окну, иногда мне нравилось слушать уличный шум. Речная прохлада освежила моё лицо. Я услышал привычную ругань грузчиков, голос зазывалы в лавку, где продавались редкие книги по ценам, которые «могут вызвать только радостные улыбки», и почувствовал острое желание зайти в трактир. Через минуту моё желание переросло в неодолимую потребность, и я вышел из дома, после чего направился в сторону Йоркштрассе (13), где находилось часто посещаемое нами заведение под скромным названием «Шхуна».

Было около пяти вечера. Августовский зной не спешил покидать дворы Закхайма.

В запасе у меня оставалось почти два часа.

Йоркштрассе – это практически другой пригород Лёбенихта, община Нойе Зорге, которая была образована в 1662 году. Те же фахверковые здания, та же теснота и вонь. Впрочем, мы ко всему этому уже привыкли, и по-своему любили данный район.

В трактире было не так весело и шумно, как это бывает по вечерам, особенно, если сюда наведаются грузчики-литовцы. Впрочем, нескольких буршей, пришедших в «Шхуну» после

занятий, я уже заметил. Музыкантов ещё не было, обычно, они появлялись здесь после шести. Я присоединился к своим собратям по Университету и заказал вина. За столиком в компании пожилого господина в длиннополом сюртуке с медными пуговицами и чёрном парике сидели трое студентов, с двоими из которых я был на дружеской ноге, а третий был мне едва знаком. Это были юристы Макс Таух и Фриц Вёртер, имени третьего я не знал. Увидев меня, приятели пригласили присесть за свой стол, и я тут же занял место рядом с ними.

– Мэтр Шаньон, – представил мне пожилого господина Макс. – Это – Фриц, ты его знаешь, а рядом – наш приятель, бакалавр Отто Жемайтис. «Литовец» – подумал я, кивая в знак приветствия.

– А это – наш медик Петер Коффер, собственной персоной, – улыбнулся Макс. – Видимо, учёба так достала нашего друга, что он почувствовал необходимость выпить винца!

– Да-да, – подтвердил я. – Но, похоже, своим появлением я прервал интересную беседу... Продолжайте, прошу вас, – по напряжённым лицам собравшихся я понял, что угадал.

Мэтр Шаньон, видимо, француз, благодарно кивнул мне головой и продолжил свой рассказ:

– ...С тех пор я часто приходил ночью в лечебницу для душевнобольных, и общался с ними мысленно...

– Мэтр Шаньон – медиум, – шёпотом пояснил мне Отто. – Он умеет разговаривать с духами и уверен, что все душевнобольные – абсолютно здоровые люди, но в их тела вселился злой демон, которого он способен не только слышать, но и видеть...

– Да, так оно и есть, – подтвердил француз, достав трубку и принявшись набивать её табаком.

«Чёрт возьми! – мысленно выругался я. – Вместо того, чтобы привести свои мысли и чувства в порядок, придётся выслушивать ещё одного сумасшедшего!»

Но несколько глотков хорошего французского вина настроили меня на более благожелательный лад. Я ткнул вилкой в поданный мне клопс, вдохнул его аромат и... почувствовал себя ещё лучше.

– ...Там была одна палата, – негромко продолжал Шаньон, – в которой лежали больные с тяжёлым душевным расстройством, прежде мы не заходили в неё. Дверь туда была постоянно закрыта, и за ней часто слышались ужасные звуки, подобные собачьему вою и лаю, кукареканью и рычанию... Я спросил у своей тётушки, которая ухаживала за убогими и раздавала им пищу, что случилось с этими людьми, которые рычат. Она ответила, что они просто одержимы, в них вселился чужеродный дух... Разумеется, меня поразило то, что наше тело может занять какой-то дух и превратить человека в зверя...

Рассказ показался мне удивительно интересным.

– Я слышал про одержимость, – заметил Макс. – Обычно, для изгнания духа вызывают священника...

– Не каждый священник справится с этим делом, – ответил мэтр Шаньон. И продолжил:

– В любой семье человек, лишённый рассудка, считается обузой и позором. Поэтому люди стараются помалкивать об этом и ищут тайных врачей, способных исцелить несчастного, но так, чтобы никто об этом не узнал..., – мэтр тоже осушил стакан вина и затянулся трубкой. – И вот, однажды к моей тётушке приехали люди и начали просить её уговорить одержимого человека. Я напросился поехать с ней, мне страшно хотелось узнать, как всё будет происходить..., – француз сделал паузу. – И вот, наблюдая за тем, как она успокаивала больного, я и увидел его...

– Кого? Духа? – спросил Фриц.

Я заметил, что его глаза смотрят куда-то в сторону. Видимо, приятель Макса уже здорово наклюкался.

– Да, это – некая туманная субстанция... Она нехотя отделилась от человека, но дело в том, что кроме меня её никто не замечал... Но я-то видел, как чужой дух покинул телесную оболочку. Мы даже встретились с ним взглядом, и я понял, что тот не может обитать вне человеческого тела! Поэтому белёсая туманность вскоре вернулась обратно. Но теперь она испуганно затаилась, и человек вновь стал самим собой...

Я смотрел в лицо говорящего. Глубокие морщины избороздили его лицо, нос был длинный и кривой, а глаза светились необыкновенной печалью. Мне показалось, что этот человек говорит правду.

– Мы ещё не уехали, – продолжал рассказ медиум, – и я сказал тётке, что вижу – дух не оставил тело. На что та ответила: «Главное, человек успокоился». Я не согласился с ней: «Это успокоился дух, а не человек»... Тётя уже тогда подозревала, что я умею гораздо больше, чем она...

Рассказчик вновь умолк и на этот раз не выдержал я:

– И что же было дальше?

Мэтр бросил на меня взгляд, словно хотел убедиться, что моя заинтересованность настоящая, а не показная, и продолжил:

– Я предложил ей изгнать духа так, чтобы он не вернулся обратно в тело больного. Она отвечала, что её вызвали для того, чтобы успокоить человека, что она и сделала. Но я настаивал: «Он всё равно проявится, не сегодня, так завтра! Ты собираешься постоянно ездить к нему?»...

– И что она?..

– Она ответила, что окончательно выгнать зловещую субстанцию не может. Но знает человека, который живёт в Тулузе и умеет это делать...

В трактир вошли ещё несколько человек. Я узнал их – это были каменщики, ремонтировавшие Иерусалимское укрепление (14). Они шумно уселись за длинный стол и заказали себе вина.

– По дороге домой, – продолжал свой рассказ странный француз, – я задавал тётушке много вопросов о духах: откуда они берутся, как они вселяются в человека, почему люди не препятствуют им в этом? И вот, что я узнал... Загадочные субстанции, духи и демоны, в наш мир проникают через определённые проходы (15). Если дверь в этот проход они открывают сами, то могут самостоятельно и вернуться в свой мир. Такие духи долго не задерживаются в человеке, проживут – да и отправляются обратно. Но есть духи, которые попадают в наш мир по вине самого человека. В основном, это происходит тогда, когда неумелые люди занимаются спиритическими сеансами...

– Прошу простить моё невежество, – перебил я рассказчика. – А что такое спиритический сеанс?

– Сейчас отвечу, молодой человек. Скажите, возникало у вас когда-либо ощущение того, что за вами кто-то наблюдает, хотя вы абсолютно уверены, что вокруг никого нет?

– Пожалуй, да..., – согласился я.

– А случалось так, что на вопросы, которые вы задаёте себе мысленно, бывает получен чёткий ответ, который сами себе вы никогда бы не дали?

– Припоминаю и такое... Но к чему вы клоните, мэтр?

– Таким образом, юноша, «тот», кто оберегает вас из иного мира, хочет, чтобы вы поняли или открыли для себя нечто важное, что раньше даже не приходило в вашу голову... Думаю, следует прислушиваться к подобным знакам, и «те», кто заботятся о вас... предостерегут, подскажут и поддержат. Если же в жизни грядут перемены, мы можем получать указания и во сне. Потусторонние сущности, а это – наши умершие предки или же люди, которые очень дороги, могут явиться и помочь советом.

Но существуют способы искусственного вызова духа умершего человека. Они известны издавна... Вот процесс его вызова и общения с ним, и есть спиритический сеанс... В момент,

когда дух является, одновременно открывается дверь в мир мёртвых, из которого затягивает разную нечисть в наш мир. Этот проход открывается с помощью демонических сил умершего человека. Они словно наказывают этим того, кто потревожил их.

– Но зачем вообще вызывать дух умершего человека? – спросил я, одновременно думая о том, что потревожить тело умершего – это ещё ерунда, а вот вызвать его дух – это уже серьёзно...

– Видите ли, Петер, – ответил мэтр Шаньон. – Некоторые делают это просто из любопытства. Другие рассчитывают с помощью духа умершего человека решить какие-то свои проблемы. Люди, содержащиеся в лечебнице для душевно больных, обычно и являются одержимыми такими духами... Но никто из древних медиков, а вам должно быть это известно, никогда об этом не говорил открыто.

– Прошу вас, продолжайте свой рассказ, мэтр!

– И тогда я решил вновь навеститься в лечебницу и постараться попасть в ту комнату, из которой доносился лай, кукареканье и рычание. Мне захотелось попробовать самостоятельно изгнать из человека вселившегося в него духа. Конечно, тётя на словах пояснила мне, как это делается...

Я с интересом слушал. Мои товарищи тоже, правда, Фриц уже начал клевать носом.

– И вот, пришло время... Меня впустил в палату мой приятель. Я вошёл туда и увидел такую картину. В помещении было три лежанки, на каждой из которых находился человек, привязанный за руки и ноги широкими кожаными ремнями. У одного из несчастных весь рот был в пене, второй, не моргая, устремил в потолок свой безумный взор, третий, глухо рыча, глядел прямо на меня. Я подошел к тому, который невидящими глазами смотрел в потолок. Поначалу, я сделал так, как научила меня тётя, чтобы дух на мгновение покинул тело несчастного. Но он немедленно вернулся обратно. Потом я повторно применил тётушкины приёмы, и когда субстанция вышла вновь, я направил свои ладони на духа и усилием воли отодвинул его к окну, а сам встал таким образом, чтобы своим телом заслонить больного, и спросил того: «Как ты себя чувствуешь?»

– И что он вам ответил, мэтр? – тихо спросил Отто.

Тот пожал плечами и сунул в рот трубку. Затем, сделав затяжку, продолжил:

– У него из глаз полились слёзы... Минутой позже он сказал, что чувствует себя намного лучше... Конечно, я поинтересовался, как произошло вселение в его тело духа... И он поведал мне занятную историю... Однажды, лет двадцать назад, они с друзьями в студенческой коллегии ради забавы проводили спиритический сеанс, после чего ему и стало дурно... Я приказал духу больше не посещать тело этого человека, и сидеть в стороне. Самого же пациента попросил, чтобы он никому не говорил о том, что здесь произошло. Позже я похвалился тётушке, что смог изгнать духа, и человек сейчас здоров. Тётя с грустью улыбнулась: «Эх, Поль, из одного страдальца ты демона выдворил, а он теперь вселится в другого человека, потому что изгнать, не открыв проход в мир, откуда он пришёл, значит – вынудить этого духа избрать себе другую жертву». А как открывать эти проходы, она и сама не знала... Позже от своего приятеля я услышал, что монахиня, прислуживающая в той самой лечебнице, внезапно заболела. Её поместили туда же... С тех пор я не занимаюсь подобным целительством... – с грустью закончил Шаньон и взялся за стакан.

– Да-а..., – протянул я.

– А если вам, Петер, – промолвил мэтр Шаньон, – интересно, как проходят сеансы спиритизма, что ж, найдите трёх-четырёх надёжных парней, и я с удовольствием проведу таковой для вас...

Глава 5. Честь студента и сеансы спиритизма

Неподалёку от старой крепостной стены, в торцевой части дома, выходящего к рыночной площади Альтштадта, расположен трактир «Усы сома». Крыльцо с красочной вывеской, ступеньки ведут вниз, а там – широкие двери старинного и чрезвычайно популярного заведения города.

Наверное, с самого создания Университета в 1544 году и появления первых университетских сообществ, наше братство сделало этот уютный трактир местом постоянных встреч. Сколько студенческих задниц усердно полировали здешние широкие скамьи из дуба! Сколько пива выпито бесшабашными школярами в этих стенах!.. Возможно, тут зарождались даже заговоры против профессуры! О скольких зловещих тайнах тут было упомянуто вполголоса! А сколько душещипательных или вызывающих хохот историй рассказано за этими выдавшими виды столами! Не одну сотню лет здесь отдыхали, отмечали большие и малые радости, а также запивали горе вином...

Тем временем, душный августовский день близился к своему завершению. Часы на альтштадской ратуше пробили семь, и по пыльной брусчатке, словно по команде, сочно зацокали тяжелые капли, отчего на душе моей сразу сделалось неуютно и тревожно... Но в тот же момент я, отряхивая камзол, уже вбежал в двери нашего гостеприимного заведения.

Запах пива, жареных и печёных закусок сразу ударил мне в ноздри. Гул множества голосов проник в уши. Двое пожилых музыкантов, прильнувших к скрипкам, бросили на меня приветливый взгляд. Играли они тихую мелодию, под которую можно было и размышлять, и беседовать. Многие посетители курили. Клубы дыма голубовато-белёсым облаком висели в воздухе сумрачного помещения.

Хотя в трактире «Усы сома» уже набралось немало народу, стол, за которым меня ждали, я нашёл без труда. Магистр Кольтенброк сидел в окружении нескольких молодых людей, как я понял, студентов. Некоторых из них я прекрасно знал, например, Манфреда Гуса, моего соседа и друга, двое других были медики – Якоб Лившиц и Густав Грюн. Двое других – тоже медики, но уже бакалавры.

Я подошёл к столу и мне предложили свободное место.

– Это – наш новый товарищ Петер Коффер, – представил меня сидящим буршам магистр. – Он выразил желание присоединиться к нашему университетскому... кружку.

Я не успел и глазом моргнуть, как возле меня появилась кружка тёмного пива.

Подкрепись, дружище, – Манфред подал мне миску с горохом и салом. – Я рад, что мы теперь будем вместе и в нашем союзе...

Такая приятная новость несколько подняла моё настроение. Хотя, должен признаться, непонятная тревога продолжала меня тяготить. Однако я давно понял, что ничто так не разъедает нашу душу, как сомнения и волнения, а спокойная жизнь даруется лишь тем, кто не слишком заботится о её продлении. Чтобы сделать своё бытие приятным, необходимо оставить всякую тревогу о нём. Ведь никакое благо не принесет радости его обладателю, коль он в душе не готов его утратить.

– Ты же юрист, Манфред, – перебил я его. – Зачем тебе, – тут я понизил голос, – заниматься гробокопательством?

– Э-э, дружище Петер, – Кольтенброк услышал мою реплику. – Позволь, я сначала поясню тебе, какой Союз мы создали...

– Буду только рад, – ответил я, поднимая кружку с пивом.

Музыканты заиграли старинную немецкую песенку «Unter den Linde» (16). Кто-то из подвыпивших завсегдатаев принялся неуклюже пританцовывать, в конце зала послышался друж-

ный смех. Кельнеры быстро разносили напитки и закуски по столам. Следящий за порядком бывший гвардеец Рольф, стоя возле дверей, придирчивым взглядом поглядывал на гостей.

– Петер, – начал объяснять магистр, – знаешь ли ты, как в городе относятся к студентам?

Я только пожал плечами. Трудно сказать... По-моему, каждый горожанин ожидает от школяра только какой-нибудь пакости...

– Да, ты прав, – поняв мои мысли, – продолжал Кольтенброк. – Студенческая братия не отличается воспитанием и хорошими манерами. Ты даже не представляешь, сколько жалоб только за полгода подали жители городов на нашу Альбертину? То, что наши бурши являются постоянными клиентами у шлюх, – к этому все давно привыкли и данный факт уже никого не удивляет. Но, нашему брату этого мало – они не гнушаются флиртом с замужними дамами и даже, порой, насильничают, как какие-то иностранные наёмники в захваченном городе! – Он с шумом отхлебнул пива. Было видно, что компания сидит здесь не так уж мало времени, все её члены были уже порядком навеселе.

– О-о, – вдруг протянул Кольтенброк. – Присаживайся к нам, дружище!

Я заметил, что к нам присоединился человек, с которым мы недавно общались в «Шхуне». Это был бакалавр Отто Жемайтис.

Тот склонил голову в приветствии и заказал себе вина. Я понял, что Жемайтис – тоже член «тайного союза».

– С этим молодым человеком мы только что сидели за одним столиком, – заметил Отто.

– Я как раз объясняю ему, что у нас за общество, каковы наши принципы, идеалы и программа...

– Наш союз называется «Честь студента», – с лёгкой усмешкой добавил литовец. – Мы хотим, чтобы звание студента вызвало уважение у горожан...

– Ведь студент – это будущий врач, философ, чиновник-юрист, богослов, – подтвердил магистр. – Каким он будет теологом или адвокатом, если в молодости напивался, как свинья, спал со шлюхами и дрался по поводу и без оногo? И каким он станет врачом, философом или знатоком права?..

– Кнайпхоф, а также Лёбенихт и Альтштадт, – продолжил Отто, – где находится университет, получает значительные прибыли от соседства с Альбертиной. Но наши... члены различных братств, то есть – студенты, которые делают эти города богатыми и развивающимся, подчас превращают жизнь обывателей в сущий кошмар! Не секрет, что молодёжь из Академии буянит, хулиганит, пьёт на улицах и горланит песни, пристаёт к прохожим, затевает драки! Мало того, иногда студенты опускаются до грабежей и практически все совершают набеги на ближайшие фруктовые сады... А вспомните недавний случай, когда члены братства Мазовия вломились на свадьбу торговца сукном!

– В связи с этим, – вновь взял слово магистр Кольтенброк, – в Уставе Академии появились следующие записи, касающиеся запретов для студентов: «...проводить ночь вне дома, забавляться по воскресеньям с мирянами, купаться по понедельникам, слоняться по рынку по средам, драться с малышнёй, марать книги во время службы, производить беспорядки, говорить глупости, рубить деревья, мешать палачу, когда он исполняет обязанности, декламировать комедии в церкви и на кладбище»... и так далее!

– Вот мы и собираем компанию, которая с каждым месяцем становится всё больше, состоящей из студентов, ведущий благочестивый образ жизни...

– И то, – добавил Манфред Гус, – что школяры иногда выкапывают или покупают у кладбищенских воров труп для учебных целей, пусть не смущает тебя, дружище.

– Лучше, когда всё это делается аккуратно, тихо и не приносит никаких дурных последствий, – добавил Густав Грюн.

– Желаете вина, господа студенты? – к столу подошёл улыбочивый кельнер в белоснежном фартуке.

– Благодарим, – ответил Якоб Лившиц. – Мы уже достаточно выпили и сейчас разойдёмся. Завтра у нас занятия.

– А когда вам мешали занятия... – попробовал возразить работник трактира.

– Сказано – нет! – повысил голос Отто, и малый тут же покинул компанию.

– А теперь, – тихо продолжил Кольтенброк, – Поговорим об очередном... объекте для исследований. – Он сделал паузу. – Речь идёт о богатом человеке, ювелире...

– Абрам Шухер! – воскликнул один из бакалавров.

– Да, – кивнул головой магистр, – который скончался нынешним утром. Похоронят его, скорее всего, послезавтра... А это значит...

– Это значит, что после похорон его попытаются ограбить мародёры, – спокойно продолжил Отто. – Они выкопают тело и снимут с него все драгоценности. А потом... это тело они могут продать нам...

– Дорого? – поинтересовался я.

– Дорого, – вздохнул магистр. – Впрочем, с ними можно и сторговаться... Не хочешь ли встретиться с мародёрами, Петер, и договориться о приемлемой цене? – Мне послышалась в голосе Кольтенброка затаённая усмешка.

– Согласен, – ответил я. – Только мне не знаком ни один кладбищенский вор...

– Отто Жемайтис поможет тебе, – ответил магистр. – И Манфред Гус, раз уж вы друзья...

Мы вышли из трактира, горячо обсуждая предстоящее дело. Мы – это я, Отто Жемайтис и Манфред Гус, все изрядно «подогретые» вином и пивом.

– Они могут заломить сумму в сотню талеров! – доказывал Манфред. – А могут потребовать и ещё больше!

– Попробуем поторговаться, – ответил я.

– С ними тяжело договориться, – заметил Отто. – Это – народ с мрачной репутацией и тяжёлым нравом... Тут нужно продумать ситуацию наперёд и действовать наверняка!

– А как мы её продумаем? – пожал плечами Манфред. – По-моему, с ними вообще нельзя договориться...

– Видите ли, друзья, – произнёс Отто, – обычно мародёры выкапывают труп, снимают с него украшения и тут же закапывают обратно... Труп – в могиле, всё тихо... Место захоронения приведут в порядок, так, что никто и не заметит, что труп обчистили! Нам же самим надо будет спрятать труп после исследования... Конечно, можно его выбросить в реку, привязав к ногам увесистый камень, но вода сильно портит тело... Поэтому лучше прикопать его в уединённом месте... Но всё это необходимо сделать в стороне от посторонних глаз, а это не просто!

– А не попросить ли нам помощи..., – робко начал я.

– Помощи? Ты что? В таком деле... – сразу воспротивился Манфред.

– ...У господина Шаньона! – выпалил я. – Пусть вызовет своих духов, мы у них и узнаем, как нам правильно действовать!

Некоторое время мы шли молча по брусчатке в сторону Лёбенихта, обдумывая сказанное мною. Я и сам далеко не сразу понял, что моё предложение не такое уж скверное.

По-моему, это – неплохая мысль, – поддержал меня Отто. – Кстати, я знаю, где обитает старый мошенник! Давайте, завалимся к нему прямо сейчас и попробуем провести сеанс спиритизма!

– А будет ли из этого толк? – недоверчиво спросил Манфред.

– Может, и не будет..., – пожал плечами Жемайтис. – Зато это – чертовски интересно!

– Шаньон – известный медиум, – заверил я друга. – Он досконально знает своё дело...

С ним мы не пропадём!

«Чёрт возьми, всё-таки я тоже сегодня излишне переусердствовал с Бахусом!»

Не прошло и часа, как мы стучались в дверь дома, в котором, как уверял нас Отто, живёт французский медиум. Я взглянул в чёрное небо. Вот-вот разразится гроза. За Прегелем всюду сверкали молнии – там уже началось! Не хотелось в такую погоду шататься по улицам города.

Сначала Жемайтис посоветовал нам постоять в сторонке, он, мол, сам поговорит с Шаньоном, и, если тот не против, то все зайдём в дом и начнём сеанс.

Пятью минутами спустя, мы уже поднимались по крутой лестнице вверх, в комнату господина Шаньона, в которой он обычно проводил сеансы спиритизма.

Сам француз ещё не собирался спать. Он сказал нам, что мы пришли в самое удачное время: ведь солнце уже село.

Мы расположились в комнате, ожидая, что вот-вот загрохочет гроза, и сами силы природы покажут нам, что мы занялись не богоугодным делом. Шаньон спешно собирал и готовил необходимые для проведения сеанса причиндалы. Попутно он объяснял нам:

– Увлечение спиритическими сеансами, молодые люди, не такое уж безобидное занятие. Вы ведь, приступая к нему, ещё ничего не знаете ни о самом обряде, ни о его последствиях, – он положил на стол какую-то доску, на которой были начертаны буквы и цифры. – Должен вас предупредить, что последствия могут быть ужасными... Человеческая душа, мои господа, бессмертна и после кончины тела может вступать в общение с живущими людьми и вызывать ряд вполне осязаемых явлений. – Он достал полотенце и повесил его себе на шею. – У египтян существует древнейшее верование, что душа человека, кху, может после его смерти возвращаться на землю и... принимать различный облик. Она даже способна проникать в живых людей, «занимая» их тела! А помните, как Гомер описал, каким способом Одиссей вступил в сношение с духами? Все спириты согласны с тем, что душа не тотчас же после смерти становится свободной. Она некоторое время находится под властью земной жизни, и лишь потом отправляется к Высшему Разуму. Вы помните, как Одиссей, прежде чем говорить со своими недавно умершими друзьями, должен был прибегнуть к одному средству для воздействия на духовные существа? Он принёс жертву умершим, как обыкновенно приносил её богам, и тем самым достиг своей цели... Он вызвал к себе духов и получил от них ответы на вопросы относительно будущего. Современные спириты используют другой метод. Мы с вами сядем за круглый стол и... Кстати, нас должно быть не меньше пяти человек. Вы не будете возражать, если к нам присоединится мой слуга Гийом? Он – привычный человек и не будет нам мешать...

Рассказывая, господин Шаньон зажёл в комнате несколько свечей, которые расставил в определённом порядке.

– Обыкновенному магу, – продолжал он, – как говорится в древней Книге о мистериях, помогают лишь демоны, но он вызывает только призрака, а не сущность. На современном спиритическом языке это значит, что менее совершенный медиум может вступать в сношение лишь с низшими, лживыми и злобными духами, сообщениям которых не стоит верить. Сейчас одни видят различие между ангелами и демонами и считают эти две группы духовных существ особыми созданиями, не имеющими ничего общего с душами умерших. Иные, напротив, думают, что как ангелы, так и демоны являются лишь определёнными ступенями в развитии душ, живших прежде на Земле... Но спора здесь никакого не может быть, ибо мы едины в том, что эти духовные субстанции, каково бы ни было их происхождение, могут вступать в общение с людьми. Как известно, Церковь всегда относилась крайне враждебно к вызову духов и даже в наши дни она прибегает к весьма сильным средствам, чтобы удержать людей от подобного рода опытов. Поэтому, сегодняшнее наше деяние мы будем держать в тайне...

Мы внимательно следили за приготовлениями медиума, хотя чертовски хотелось спать...

– При спиритических сеансах в сношение с людьми вступают обыкновенно низко стоящие, нечистые, злые духи. Нередко они по-своему терзают и мучают медиума и его окружающих... Они даже могут «вселиться» в любого из нас... Но это если только что-то пойдёт не так...

Лицо господина Шаньона при свечном освещении словно гримасничало от игры света и теней: то полностью закрывались его глаза, то резко обострялись морщины и складки у рта, то казалось, что он криво улыбается... Между тем, медиум зажёл в блюдце какие-то корешки, от которых по комнате начал распространяться приятный аромат.

– Это – благовония, – догадался Манфред.

А я-то уж думал, что он заснул! Господин Шаньон открыл окна, через которые до нас вскоре докатилась волна приятно бодрящего свежего воздуха. Как пояснил медиум, это для того, чтобы дух свободно проник в помещение и так же спокойно покинул его. На другой стороне Прегеля вовсю гремела гроза. Возможно, сейчас подойдёт и к нам. Но бывает и так, что она погрохочет где-то в стороне, да и отправится дальше, минуя центр города.

– Подумайте, господа, – предложил медиум, – дух какого человека мы будем вызывать?

– Валтазара! (17) – брякнул Манфред.

– Нет, с колдунами лучше не связываться, – отверг эту идею Отто. – Может, герцога Альбрехта?

– Или – Коперника, – предложил я.

Было довольно поздно, никто не хотел спорить. Решили остановиться на Копернике. Тем более, что у француза дома оказалась книга великого учёного. Он водрузил её на стол и поставил на неё свечу.

– Это должно помочь привлечь дух, – пояснил он.

На приготовление к сеансу ушло несколько минут.

– Пора приступать, – пробормотал Шаньон.

Мы расселись по кругу отлакированного стола, со странными ножками в виде каких-то отвратительных копыт. Медиум положил на середину столешницы блюдце с нарисованной на нём стрелкой. Рядышком лежала доска с начертанными буквами и цифрами, словами «Да» и «Нет». Свечи расставили так, чтобы они не мешали, но давали достаточно света. Затем француз поднял блюдце и слегка подогрел его в пламени свечи, потом положил обратно, но вверх дном. По его указанию, мы приложили кончики пальцев к блюдцу, так, что бы они только слегка притрагивались к нему. Другими своими пальцами мы касались пальцев соседей справа и слева. Таким образом, круг замкнулся.

– Произносим хором..., – скомандовал господин Шаньон. – Дух Николая Коперника, приходи!..

Напольные часы пробили полночь. Отзвуки грома проникали в помещение. Было по-настоящему жутковато.

– Дух Николая Коперника, приходи! – повторили мы.

И прислушались. Никаких посторонних звуков не возникло.

Порой дух приходит сразу, иногда его можно звать часами, – пояснил Шаньон. – Будем надеяться, что великий Коперник не заставит себя долго ждать.

– Дух Николая Коперника, приходи! – произнесли мы ещё раз. Затем – ещё и ещё...

Дух Николая Коперника, приходи!..

Мне вдруг показалось, что пламя свечей дрогнуло... Дышать стало тяжело, меня бросило в жар. Одновременно с этим почудилось, что где-то внутри груди появилась чья-то холодная рука, которая принялась ощупывать мои внутренности... В какой-то момент я чудом сдержался, чтобы не заорать от ужаса... Возможно, мои приятели чувствовали нечто похожее, но я не видел их лиц...

И вдруг... Блюдце дёрнулось. Я почувствовал, что мои глаза настолько расширились, что стали готовы вылезти из орбит... Блюдце начало медленно поворачиваться... Причём, без каких-либо наших усилий! А пламя свечей затрепетало, словно от порыва ветра! Только, никакого сквозняка не было! Несмотря на это, мы отчётливо ощутили холод... Словно огромную ледяную глыбу вплотную подтащили к нашему столу!

Глава 6. Спиритический сеанс и мародёры

Мне показалось, что вокруг всё застыло, превратилось в какую-то вязкую, тягучую массу. Лишь откуда-то издали доносился голос господина Шаньона:

– Мы рады приветствовать тебя, наш великий предок! По-доброму ли ты сегодня к нам расположен?

Неожиданно я почувствовал, что блюдце едва заметно скользнуло по поверхности стола.

– Ты сказал: «да», – послышался голос медиума. – Что ж, это – прекрасно! Намерен ли ты отвечать на наши вопросы?

И вновь блюдце сдвинулось с места. Подступившую было сонливость словно рукой смахнуло. Мне удалось взять себя в руки и взглянуть на происходящее более осмысленно. Я увидел, что стрелка на блюдце и на сей раз указывала на слово «Да», причём, я был готов поклясться на Святом Писании, что блюдце двигалось само!

– *Macte!* (18), – прошептал Шаньон. – господя, дух великого Николая Коперника находится здесь, и он согласен ответить на наши вопросы. Прошу вас, поначалу задавайте несложные...

– Вам нравится гроза, уважаемый Николай? – растерянно спросил Отто, голос его при этом слегка дрожал.

«Да», – таков был ответ.

– Как вы считаете, – тихим голосом задал вопрос Манфред, – должны ли студенты медицинского факультета вскрывать тела мертвецов для приобретения знаний об анатомии человека?

«Да».

– Вы же сами – врач, – немного успокоившись, взял слово я. – Но считаете ли вы достойным похищать трупы с кладбищ?

«Нет».

Вот тут-то я и почувствовал реальную связь с чем-то потусторонним! Дух был невидим и неслышен, но он был рядом! Явился на наш зов из далёких, неведомых миров и теперь преспокойно общается с нами, живыми! Одновременно с этим, я ощутил, что, похоже, вхожу во вкус! По крайней мере, полностью успокоился. Только вот моё сердце билось ещё достаточно часто. Конечно, разве мог я когда-нибудь представить, что мне доведётся беседовать с самим Николаем Коперником?.. Точнее, с его духом...

Но вдруг это не он? Мэтр нас об этом предупреждал... А если от его имени с нами общается какой-нибудь злобный демон? Эту мысль я гнал от себя подальше.

– Ну вот, – между тем пробубнил Шаньон. – Мы, кажется, привыкли к движениям блюдца... Теперь можно задавать любые вопросы. Ответ будем читать по буквам...

– Существует ли средство от всех болезней? – поинтересовался я.

«Любо...» – начал отвечать дух.

И вдруг... Блюдце резко подскочило вверх и упало на стол, опрокинув свечу. Отто едва успела подхватить её, пока она не свалилась на пол...

– Что произошло? – еле выдавил я из себя... и бросил взор на господина Шаньона. Тот отрешённым взглядом смотрел в сторону окна.

Я, с трудом преодолевая вновь охвативший меня ужас, провернул голову к окну.

– Не делайте резких движений... – прошептал Поль Шаньон. – Замрите, ради всего святого!

В помещении внезапно посветлело. И это из-за того, что через окно в комнату плавно влетел «небесный огонь» (19)! Был он в виде шара, точнее – эллипса, и светился ярким жёлто-оранжевым светом, иногда внутри него мелькали багровые сполохи.

Все в страхе замолчали. В комнате воцарилась тишина, было даже слышно, как потрескивает пламя свечей.

Я никогда прежде не видел подобного явления, хотя много раз слышал о нём. Немало историй про «небесный огонь» поведал мне дядюшка Клаус. Отчего-то старый бортник был уверен, что этот ослепительно сверкающий шар – вполне разумное существо. Но встреча с ним – всегда чрезвычайно опасна...

Размером объект был с крупное яблоко. Он плавно облетел вокруг стола, словно рассматривая, чем мы тут занимаемся, некоторое время повисел в воздухе неподвижно, и вновь направился к окну. Я боялся даже шелохнуться... Мои приятели также замерли в довольно комичных неестественных позах.

«Вылетай, ради всего святого, вылетай», – мысленно молил я ночного гостя, который заглянул к нам, видимо, находясь в процессе охоты.

Огненный шар завис у окна, словно раздумывая, лететь ли ему на улицу, и, наконец, решился. Но едва он скрылся за оконным проёмом, как раздался оглушительный хлопок! Кажется, рядом выстрелило пехотное орудие! Я почувствовал, что взрывная волна ударила меня в грудь, буквально разорвав её упругим потоком воздуха. Одновременно с этим я лишился чувств...

Я очнулся оттого, что почувствовал, как меня хлещут по щекам и льют на голову холодную воду. Открыл глаза и увидел озабоченные лица своих приятелей.

– Хвала Пресвятой Богородице! – воскликнул мэтр Шаньон. – Он пришёл в себя!

Гийом, держащий в руках кувшин с водой, отошёл в сторону. Я попытался подняться, и, с помощью Отто, мне это удалось.

– Как ты себя чувствуешь, Петер? – спросил Манфред.

Вполне сносно, – ответил я, вытирая лицо полотенцем. – Похоже, это гроыхнул «небесный огонь»... Видимо, наш сеанс спиритизма прервался? Скажите, мэтр, мы продолжаем... или наше общение с духом уже закончилось?

– Видите ли, мой друг, – ответил француз, – духи не любят подобных шуток со стороны... третьих лиц... Нам не удалось завершить сеанс по тем правилам, которые предписаны, а именно – поблагодарить духа и отпустить его с миром... Ведь мы едва начали наш разговор...

– Так он отправился обратно?

– Несомненно... Встреча с «небесным огнём»... даже духам не сулит ничего хорошего... Но, хвала Господу, что никто из нас серьёзно не пострадал, – он покосился на меня.

– Тогда будем расходиться, – вздохнул Отто.

– Надеюсь, уважаемый мэтр, этот... инцидент не будет иметь дурных последствий? – предположил Манфред.

– Как знать, юноша, – грустно произнёс господин Шаньон. – Остаётся только надеяться, что из преисподней к нам не занесло никаких вредных субстанций...

– А могло занести? – спросил Гус.

– Вполне... Представьте водоворот, который затягивает в свою воронку всё, что плывёт по реке... Боюсь, что к нам могло забросить нечто чрезвычайно опасное...

Готов положить руку на Библию и поклясться, что не один я в этот момент испытал глубокое чувство страха. На лицах моих приятелей это читалось достаточно ясно.

Но, хвала Пресвятой Деве, мы живы и здоровы...

Действительно, в нашей жизни бывают случаи, когда не знаешь, радоваться тебе или горевать... С одной стороны, «небесный огонь» расстроил нашу связь с духом Николая Коперника, и мы не успели спросить его о том, как же нам следует решать свою проблему... Но с другой стороны... ночной пришелец вполне мог разнести наш стол в щепки и испепелить всех, сидящих за ним!

Словно читая мои мысли, мэтр Шаньон вздохнул:

– А я совсем позабыл, о чём сказано в Книге мистерий... Там написано, что необходимо следить за погодой и ни в коем случае не проводить сеансы во время грозы... Боюсь, дверь в Иной мир теперь закрыта для нас надолго... Это – моя вина...

– Не упрекайте себя, мэтр, – произнёс Отто Жемайтис. – Просто, так было нужно... Провидению... Ему мы и доверимся в дальнейшем...

– Всё в руках Господа, – еле слышно произнёс Гийом.

Мы покинули дом господина Шаньона далеко за полночь. В это время суток в районе Закхайм довольно небезопасно. И дело даже не в пьяных гуляках на улицах предместья Лёбенихта. Возможно, в тёмном углу таился вооружённый грабитель. Впрочем, нас было трое, мы были молоды, сильны и вдобавок немного пьяны. Надо было срочно добраться до Дома Шпелера, завалиться на лежанку и отдохнуть хотя бы пару часов до предстоящих занятий. Что мы и сделали без особых приключений.

Вечером 7 августа я и Отто отправились в гостевой дом «Тристан», где, по словам Жемайтиса, должна была состояться встреча с кладбищенскими ворами.

– Ты особо не увлекайся, – предупредил он меня. – Мародёры сами назначают цену, и сбить её ещё никому не удавалось. В крайнем случае, на труп всегда найдётся другой покупатель... И ещё: веди себя подобающе. Эти люди не любят заводить новых знакомств. Они знают, что за ними идёт настоящая охота. Вообще-то, можно было бы обойтись и без тебя, но Кольтенброк решил, что ты должен быть проверен в деле.

– А ты давно общаешься с этими типами?..

– Полгода... Раза три уже имел такое счастье. Главное, ничего не бойся. Договоримся с мародёрами, и, как всегда, выложим им сотню талеров... Зато, кроме них и нас, на кладбище никого не будет!.. «Спаси и сохрани нас, Пресвятая Дева...», – он перекрестился.

– Сотня талеров... – тихо повторил я. Для меня это были немыслимые деньги.

– Конечно, – добавил мой новый друг, – когда умирает такой богатый человек, то мародёрам всегда найдётся, чем поживиться... Вот когда похоронят простолюдина, тут уж для них никакого интереса нет... Только, когда будешь беседовать с этими ребятами, следи, чтобы никто не схватился за нож... Это – лихие люди. Если б не нужда, мы бы держались от них как можно дальше...

Гостевой дом «Тристан» был, пожалуй, самым непрезентабельным во всём Закхайме. Старое здание имело довольно обшарпанный вид, сбоку к нему притулилась покосившаяся деревянная пристройка, рядом располагалась конюшня. Внутри пахло просто омерзительно – помой вперемежку с дерьмом. Тараканы, клопы и крысы были здесь основными постояльцами. Зато у дома было два выхода. Один – на улицу, он считался парадным. Второй вёл во внутренний двор, откуда при желании можно было проскользнуть в другие дворы и оказаться на берегу Прегеля. Стоит ли удивляться тому, что здесь нашли прибежище самые опустившиеся представители городской гольтыбы и прочий сброд: беглые преступники, мошенники всех мастей, убийцы, воры и мародёры?

Привратник встретил нас усталым, недовольным и нетрезвым взглядом. Лишних вопросов он не задавал. Нам пришлось подняться по крутым, постанывающим при каждом шаге ступенькам на второй этаж. Из-за дверей, мимо которых мы проходили, доносились звуки весёлой попойки – пьяные мужские голоса, визгливый смех шлюх, непристойная ругань. В тесном коридоре, еле освещаемом свечами, висела пелена табачного дыма. В самом конце длинного прохода лежало неподвижное тело. Живой это человек или мёртвый, было непонятно. Скорее, мертвецки пьяный... «Когда-нибудь этот вертеп сгорит», – подумал я.

Отто остановился напротив двери с номером 9. Постоял немного, огляделся и прислушался.

– Это здесь? – спросил я, облизывая пересохшие от волнения губы.

– Здесь, – кивнул он и без стука толкнул дверь.

Внутри было абсолютно темно. Я подумал, что хозяев нет, но тут из темноты послышался чей-то надсадный кашель.

Мир всем..., – шагнул Отто в комнату, – кто живёт в данном благословенном доме и кормит клопов в этой жалкой хибаре..., – было очень похоже, что прозвучал пароль...

– Дверь затворите! – послышался приказ из тьмы.

Я шагнул следом и закрыл за собой дверь. На мгновение мы оказались в полной темноте. Наконец, послышался стук кресала о кремень, сверкнули искры, и вскоре загорелась свеча.

– Присаживайтесь, гости дорогие, – послышался чей-то глухой голос. Человек снова закашлялся. – Отто, клянусь Гробом Господним, ты привёл с собой гостя. Кто же это?

– Успокойся, Герман, – ответил мой спутник. – Это – Петер Коффер, студент-медик. Мы пришли договориться насчёт трупа, который хотим купить у вас завтра...

– Если речь идёт о старом проходимце Шухере, – послышался тот же голос, – то мы собирались всего лишь обчистить его карманы, вскрыв гроб покойного... Но мы можем передать его тело вам для исследований, хотя это и богопротивное занятие... за каких-нибудь... двести талеров...

Свеча, которую установили на небольшом колченогом столике, давала мало света, но лицо собеседника Отто было отчётливо видно. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Обвисшие щёки, щербатый рот и глубокие залысины. А кольцо в ухе делало его похожим на старого, отчаянного пирата, которому не страшна никакая схватка. Ещё три человека более молодого возраста молча сидели чуть поодаль. Время от времени багровые блики устраивали зловещие танцы на несимпатичных лицах преступников.

– Помилуй бог, Герман! – повысил голос Отто. – Всегда было сто талеров. Я уж надеялся, что и эта цена будет снижена, а ты её повысил вдвое! Разве так годится?

– А что ты хотел, Отто? Это не простой мертвяк, не какой-нибудь грузчик-литовец! На Шухере, насколько мне известно, будет добротный кафтан и новые башмаки, не считая серебряного брегета и золотого браслета! Добавь сюда перстень с драгоценным камнем и кольцо!.. Возможно, могилу будут охранять несколько человек. Если мы с ними не договоримся, придётся кое-кому пускать кровь!.. – толстые губы Германа скривились в усмешке, обнажая рот, в котором не хватало двух передних зубов.

– Бедным школярам не потянуть такую сумму, – заметил Жемайтис.

– А нам – плевать! Кольца-перстни снимем, одежду заберём, всё прикроем, закопаем – и не было нас тут! – он рассмеялся, но этот смех был больше похож на карканье старого ворона. – А тащить покойника к вам, это, извините, опасно, поскольку полиция дремать тоже не станет, к тому же – это безнравственно! Одно дело – снять с покойника не нужные ему драгоценности, а другое – потрошить брюхо, пусть даже в научных целях!

Признаться, меня удивила и возмутила такая щепетильность. Это что же получается, у мародёров имеется свой кодекс чести? У людей, не имеющих никакого представления о подлинной чести и совести?..

– А если мы поступим по-другому? – ввязался в разговор я.

– Что ты предлагаешь, школяр?

– Вы сделаете своё дело и уходите. Затем появляемся мы, уносим мертвяка, а также закапываем могилу и восстанавливаем её прежний вид, словно тут никого не было...

Сидящие поодаль мародёры негромко рассмеялись. Кто-то снова чиркнул кресалом, и вскоре задымили трубки.

– Не лезь не в своё дело, школяр! – последовал ответ. – Конечно, этим вы упростите нам работу, но сами несомненно попадёте. А повяжут вас – будут искать драгоценности! И придут за ними ко мне!

– Мы расставим своих сторожей, которые предупредят нас о приближении стражи! – не сдавался я. – Так как же насчёт того, чтобы сбавить цену? В конце концов, мы и сами можем вынуть труп...

Отто сжал мне локоть пальцами. Но я уже и сам понял, что ляпнул лишнее...

– Ты кого привёл с собой, Отто? – глаза мародёра гневно сверкнули, и я очень опасался, что в его руке может появиться нож.

В ту самую минуту мне стало абсолютно ясно, что такие типы – урождённые мастера придумывать коварные планы преступлений и с успехом их реализовывать. Судя по всему, они не умеют прощать, а мстят настолько изощренно, что оставляют после себя только пепелище. Поэтому, лучше никогда не становится у них на пути. Сомнут и затопчут!

– Ради всего святого! – воскликнул Жемайтис. – Мальчишка просто оговорился! А мы и в самом деле можем расставить сторожей, да при случае ещё и отвлечь охрану...

– Если дело устроить именно так, – задумался Герман, затянувшись дымом из трубки, то оно вполне может выгореть... Вы, господа студиозы, стоите на страже, мы выкапываем труп... После мои парни уходят, а вы забираете тело несчастного ювелира и наводите на его могиле идеальный порядок... Что скажете, друзья? – обратился он к своим приятелям.

– Согласно нашим обычаям, – проговорил хриплым голосом сидящий справа от Германа гробокопатель, не вынимая трубки изо рта, – никто из посторонних не должен присутствовать на месте раскопа, пока мы не завершим своё дело и не скроемся...

– Это – верно, – заметил другой мародёр с морщинистым обветренным лицом. – Но времена меняются... Если несколько храбрых студентов берутся обеспечить нам безопасный отход, то почему мы должны отказываться от этого? И почему бы нам не отблагодарить этих ребят, тем более, что наша добыча обещает быть богатой?

– А что скажешь ты, Фриц? – спросил Герман третьего бандита из своей шайки.

Тот подозрительно долго молчал, постоянно вытаскивая изо рта трубку и вновь засовывая её обратно... Наконец, заговорил и он. Голос у него был такой же глухой и хриплый, как и у всех в этой компании.

– Пусть это будет первый... и, желательно, последний раз..., – и опять томительная пауза. – А студентам за их старания, в случае нашего успеха, можно отдать труп... даром.

– Ладно, – проговорил Герман, сверля нас пронизывающим взглядом. – Несите на кладбище сотню талеров... Ежели всё обернётся лучшим образом, мы вернём вам... половину. Завтра, через час после полуночи...

Глава 7. Внутренний голос

Занятия в Университете тяготили нас всё больше. Не потому, что были скучны, и не оттого, что проходили в ту пору, когда хочется гулять по тенистым аллеям города, купаться в реке и от души наслаждаться летом, а оттого что приближалась долгожданная пора «пустых дней» (20). В середине августа нас собирались отпустить на небольшой отдых. Я уже предвкушал поездку в родной Инстербург к отцу с матерью и брату с сестрой. А также к дядюшке Клаусу с его пчёлами, травами и бесконечными рассказами о разных диковинах.

А пока мы заседали в жарких аудиториях Альбертины, наша студенческая одежда не давала телу ни прохлады, ни воздуха. Мы слушали теоретический курс, на котором дотошно, скучно и сумбурно «вдалбливали» нам то, что стало бы ясно при первом же практическом занятии. Но для таких упражнений требовался относительно свежий человеческий труп... А поскольку такового не было, мы переписывали длинные латинские тексты, в сложных лабиринтах которых зачастую ускользала и терялась всякая здравая мысль. Иногда случались диспуты. Они вносили в процесс учёбы разнообразие, дух свободы, позволяли высказываться, поспорить едва ли не до кулаков...

Сегодня у нас тоже проходил диспут, правда, не отличавшийся особым кипением чувств... Всё началось с того, что магистр Лидис, проводящий занятия, задал, казалось бы, провокационный вопрос:

– Как вы думаете, коллеги, отчего умер на Кресте наш Спаситель Иисус Христос?

Библейские истории мы изучали не первый год и думали, что знаем о последних днях Спасителя всё. Поэтому, вопрос преподавателя некоторых студентов озадачил, однако, как оказалось, никто не задумывался над этим как будущий врач. Поэтому и завязался спор.

– От голода и жажды! – воскликнул чересчур активный, выскочка и задавака Филипп Гросс.

Его вывод тут же парировал рассудительный Якоб Лившиц, любящий вникать в каждую мелочь:

– А вот и нет! От жажды погибают в течение нескольких дней, а распятые умирали в первые же сутки.

– Тогда – от кровопотери! – нашёлся Мартин Брадис, упитанный малый, прибывший из деревни, расположенной близ Тильзита.

Магистр с улыбкой наблюдал за полемикой. Был он невысокого роста, с тёмными кудрями, обрамляющими скуластое лицо с немного вздёрнутым носом и большими, выразительными глазами. Он относился к породе тех молодых мужчин, которые, как мне казалось, всегда привлекали к себе внимание дам.

– Если представить реально ту ситуацию, – заметил покровительственным тоном Лидис, – то кровотечение в этом случае, как правило, незначительное.

Возникла небольшая пауза.

– Значит, от боли? – предположил Густав Грюн, вихрастый рыжеволосый парнишка, известный своим пристрастием к зубрёжке.

– Будьте уверены, господа студенты, боль, конечно, присутствовала, и довольно сильная..., но она не могла привести так быстро к смерти...

– Так отчего же? – невольно вырвалось у меня.

– От невозможности нормально дышать... И сейчас вам это поясню...

Мы приготовились слушать.

– Подвешенные подобным образом люди, – продолжал магистр, по-отечески глядя на нас, – для того, чтобы их грудь могла расширяться и наполняться воздухом, должны были своими рёбрами тащить и приподнимать всё тело. От этого мышцы быстро слабели и чело-

век не мог сделать полноценный вдох... Для продления мучений им специально прибавали небольшую перекладину, на которую они в отчаянии пытались упираться своими ногами. А когда палачи желали ускорить кончину, то ломали жертвам кости голени, лишая этой опоры... Вот вам и весь секрет!..

Иногда я получал небольшие посылки из дома. Обычно их привозила мать либо сестра. Отец с братом трудились в кузнице и не могли позволить себе даже двухдневного безделья. Но, дела их шли неплохо, работа приносила небольшой доход, и кое-что перепадало мне. На меня семья возлагала особые надежды, и я не мог её подвести. Бесконечные попойки и весёлые гулянки студентов меня не привлекали, да и зоркое око профессора Майбаха строго следило за моими успехами.

А осень робко и осторожно заглядывала в город... Солнце по привычке ещё пылало, но прозрачное небо уже остыло. Скоро, скоро должно начаться увядание природы... Липы и каштаны на Кнайпхофе местами уже запестрели желтизной, по ночам стало заметно прохладнее, но днём солнце продолжало жарить землю и гнать соки по стеблям трав и по жилам всех живых существ.

Старое кладбище Закхайма расположилось вблизи кирхи Святой Елизаветы и растянулось от Земляного вала до Речной улицы. Тут же находились женский монастырь и Сиротский приют имени той же святой. Здесь хоронили, в основном, монахов, а также состоятельных граждан Закхайма. По всему периметру кладбище было огорожено решётчатым забором, представляющим собой частокол острых металлических прутьев, соединённых снизу и сверху поперечными перекладинами. Последнее пристанище христиан охранялось тремя-четырьмя монахами, которые несли круглосуточное дежурство. Тем не менее, было известно, что богатых покойников здесь периодически грабили, взламывая склепы и разоряя могилы. Но кладбищенские воры действовали хитро, они умело заматали свои следы и, при необходимости, платили сторожам за молчание. Поэтому, у некоторых горожан до сих пор бытовало мнение, что покойников здесь не беспокоят. В заборе находилось, по меньшей мере, два места, где прутья были подпилены, и, при случае, могли быть вытащены. Таким образом, в, казалось бы, надёжном ограждении можно было достаточно быстро проделать приличных размеров проход.

8 августа ночь была ясной. Ярко светила луна, немигающим оком обозревая земную поверхность. Россыпи звёзд, среди которых нет-нет, да и промелькнёт падающая искорка, усыпали небо, привлекая к себе взоры людей. Глядя на них, я пытался представить, что они хотят нам сказать... Чаще всего мне казалось, что звёзды хитро улыбаются или снисходительно над нами посмеиваются, словно знают наперёд всю нашу жизнь...

Мы собрали небольшую команду, в которую, кроме магистров Кольтенброка и Лидиса, вошли студенты Грюн, Лившиц, Брадис и другие, в числе коих находился, разумеется, и я. Роли были распределены заранее: некоторые из студентов с масляными фонарями в руках отправились в разные концы улиц, выходящих к кладбищу и монастырю. Они должны были раскачивать фонарями в случае появления полицейского патруля. Завидев их предупреждающий сигнал, грабители тут же уходят сквозь щели в ограждении. Меня же привлекли для работы возле могилы. Я должен принять от мародёров тело и погрузить его на телегу, которую обещал доставить Жемайтис. Тот увозит мертвеца, а я должен буду восстановить прежний вид могилы и убрать все видимые следы преступления. Мне будут помогать двое из команды гробокопателей. Вся наша работа должна занять не более четверти часа.

Стоит ли говорить, что внутри меня дрожала каждая жилка? Ведь я встал на довольно скользкий путь: сейчас занимаюсь богопротивным делом, мало того, участвую в настоящем преступлении! Что сказали бы отец и мать, узнав об этом?.. Но было слишком поздно что-либо менять. И то обстоятельство, что я участвую в похищении трупа с кладбища в строго

медицинских целях, и не единственный, кто занимался и занимается этим делом, – утешало меня слабо.

Примерно в час ночи неподалёку от кладбищенской калитки раздался тихий свист. Это прибыл Герман со своей командой. Я, помня собственную роль, подтянулся поближе к ним. Судя по звуку лошадиных подков и скрипу колёс телеги, раздавшемуся вскоре в ночной тьме, сюда же подъехал и Отто Жемайтис. Старый мародёр о чём-то быстро поговорил со стоящим на страже монахом, сунул тому что-то в руку и дал своей группе сигнал следовать вглубь кладбища. Я направился за ними, мысленно сказав себе, довольно нелепые слова: «С богом...»

Кладбищенские воры тоже использовали масляные фонари. Работали они со знанием дела, быстро и ловко. Как выглядела могила ювелира Шухера, я уже знал, поскольку наведалься сюда ещё вечером, когда завершился обряд погребения. Привести всё в первоначальный вид после изъятия трупа мне казалось задачей довольно простой. Поэтому я немного успокоился и стал терпеливо ждать своего часа.

Воздух постепенно наполнился свежестью, но земля всё ещё дышала теплом. «Наверное, утром будет туман», – мелькнула у меня мысль. А гробокопатели молча делали своё дело. Наконец, лопата одного из них стукнулась о крышку гроба. «Вот он!» – шепнул один другому, и парни заработали ещё быстрее. Старый Герман находился тут же и внимательно следил за работой своих подручных. Когда гроб был полностью освобождён от земли, он бросил копателям моток верёвки.

– Поднимайте его наверх...

Через минуту с вызывающей завистью лёгкостью и проворством, мародёры извлекли тяжёлый деревянный ящик на поверхность. Тут же подоспела вторая пара кладбищенских воров. Используя небольшие ломы, они быстро сорвали с гроба крышку...

Я с отвращением смотрел на белеющее в свете луны лицо покойника и людей, обыскивающих его тело. Мародёры стянули с мертвеца кафтан и башмаки, сорвали золотую цепь с шеи, принялись стягивать перстень... Я отвернулся, стараясь не смотреть на это кощунственное деяние... И вдруг...

– Полиция! – раздался чей-то сдавленный крик.

И тут же ночная тишина взорвалась звоном подков десятка лошадей и топотом ног вооружённых людей.

– Засада! – догадался Герман. – Уходим!

Они бросились бежать, как я понял, к одному из мест, где был проделан проход в заборе. Но пока они его найдут, пока пролезут в него, суется и толкаясь, на это уйдёт время. К тому же, именно к этому лазу, похоже, потянулись и стражники...

Мне же пришлось на ум иное. Я молод и ловок, при моей сноровке ничего не стоит взобраться на прутья и перепрыгнуть через забор. Оценив, где сейчас может быть меньше всего полицейских, я устремился в ту сторону. По пути больно ударился о выступающий надгробный камень и разодрал коленку о могильную ограду. Временами, когда рваные облака застилали луну, наступала полная темнота. Но она-то и спасала меня.

Судя по возгласам, это была запланированная облава. Полицейских, насколько я понял, было не менее двух десятков человек. Стало совершенно ясно – нас кто-то предал!

Наконец, я добрался до ограды, огляделся и прислушался...

«*Смелее!*»

Мне показалось, что я услышал внутри себя чей-то голос. Мужской, взрослый, уверенный... Что ж, это – бывает. Его ещё называют внутренним голосом. Будто Высшие силы дают тебе порой подсказку, как спастись в трудную минуту, или предупреждают об опасности. «Иду», – мысленно ответил я ему и полез на ограду.

Преодолеть высокий забор даже для меня оказалось непростой задачей. Путья были заострены сверху, и я едва не сел на них. Но, удалось сохранить равновесие. И вот я уже

на земле, по ту сторону кладбища. Теперь, по сути, никто не докажет, что я только что был возле разграбленной могилы. Но встреча со стражниками не входила в мои планы. Узнав, что я – студент, мало кто из судей усомнился бы в причинах моего нахождения вблизи кладбища с такую пору... Поэтому я сразу дал стрекача в ближайшую подворотню...

«Не туда!»

Опять голос в голове! Что ж, мне ничего не стоит пробежать десяток шагов дальше. И как он оказался прав! В подворотне в свете луны я заметил двух стражников, стоящих в засаде. Но и они увидели меня.

– Стой! – рявкнул один из них, но я уже нёсся вперёд, не обращая внимания на его окрики.

Оба полицейских бросились за мной.

«Влево!»

Опять кто-то руководит моими поступками. Как всё-таки хорошо – иметь внутренний голос, который спасает тебя в такие ужасные моменты жизни!

Я свернул налево и оказался в тесном узком проходе. Теперь я абсолютно не понимал, где нахожусь и куда бегу... Но помчался по скользкой брусчатке вперёд, хотя совершенно не знал, что там, впереди, находится... Стражники преследовали меня по пятам.

И вот, о, ужас!.. Я упёрся в глухую кирпичную стену. Высотой она была в три человеческих роста, а поблизости не было никаких подручных средств, с помощью которых я мог бы перелезть через неё.

Топот стражников становился всё ближе.

«Падай ниц и ныряй в дерьмо!»

В отчаянии, я упал на живот и стал ощупывать руками стену... И, о чудо, в ней оказался пролом! Конечно, насчёт дерьма внутренний голос оказался совершенно прав. Но я был убеждён, что взрослый человек в такую дыру ни за что не пролезет.

Не обращая внимания на жуткую вонь и на то, что моё платье покрылось изрядным слоем грязи, я всё же выбрался из западни!

– Где он? услышал я удивлённые крики с противоположной стороны стены.

– Только что был здесь! Он не мог никуда исчезнуть!

– Проклятье!

Я постарался успокоиться. Сердце моё бешено стучало, дыхание было частым и шумным, мысли роились в голове в полном беспорядке. Я попытался сориентироваться... Справа должны находиться деревянные склады. Лес, сплавляемый по Прегелю, обычно здесь выгружали и складывали в штабеля. Грузчики, обычно, литовцы, после сплава неделями задерживались в Закхайме.

Если же я пойду левее, то окажусь на Йоркштрассе, затем выйду к Обертайху (21)...

«Правильно, иди к воде, заодно смоешь с себя дерьмо...»

Опять этот внутренний голос... А всё же хорошо, что я не один в неприветливом, мрачном городе... Но миновала ли опасность? И что ещё меня поджидает на тёмных улицах Кёнигсберга?

Наконец, я выбрал себе маршрут. Луна осветила башню и шпиль кирхи святой Елизаветы и я направился через Лёбенихт к Шлосстайху (22), где собирался сполоснуть одежду и далее следовать к месту своего проживания. «Пресвятая Дева, – думал я, – что же теперь будет? Кого удалось схватить полиции? За кем придут завтра?» Впрочем, ректору Альбертины не впервой отбиваться от бургомистров. Даже если кто-то из студентов попался на улицах Закхайма или вблизи кладбища, предъявить им, по сути, нечего... А Герман?.. Но отчего меня должна заботить судьба мародёров? Да пусть их всех хоть колесуют! Что скажешь, внутренний голос?

«От тебя дурно пахнет...»

Вскоре я добрался до Дома Шпеера. Манфред Гус, который тоже принимал участие в ночном происшествии, уже был в комнате, хотя ещё не спал.

– Я был уверен, что тебя поймали! – прошептал он, обрадовавшись, что я выскользнул из лап полиции. – Они схватили всех мародёров, и я ужасно испугался, что и тебя приняли за одного из них! Как же ты улизнул? И чем от тебя так воняет, ради всего святого?

– Не знаю, – честно ответил я. – По-моему, сам Ангел-хранитель показывал мне путь... Моё спасение иначе как чудом не назовёшь... Пожалуй, я поставлю ему свечу в благодарность за это... А запах... Знаешь, когда спасаешь свою шкуру, чистеньких дорожек не выбираешь... Но что произошло, Манфред? Нас кто-то выдал?

– Скорее всего, – ответил мой друг. – Только охотились не за нами, а за мародёрами. Наверняка в полиции имеются свои осведомители, возможно, даже из самой банды Германа... Шепнули, вот те и организовали засаду. Хотя, можно было догадаться, ведь хоронили не какого-нибудь захаймского бродягу, а известного ювелира!

– У тебя есть выпивка, дружище Манфред? – мои мысли опять разбежались в разные закоулки головы, и было необходимо собрать их воедино.

Тот быстро слез с лежанки.

– Могу предложить шнапс... Вчера купил в лавке Моргена...

– Это – как раз то, что сейчас нужно!

– А вот насчёт закуски извини... Ничего предложить не могу...

– Обойдёмся... У меня должна остаться луковица и пара сухарей...

Наутро в Университете (мне казалось, что от меня до сих пор воняет, но, слава богу, приятными запахами наше общество никогда не отличалось, так что ни у кого я не вызвал подозрений) стало известно, что полиция схватила двух школяров, стоящих на стрёме у гробкопателей. Это были Филипп Гросс и Якоб Лившиц. Но, как мы и предполагали, против них у полиции ничего не было, так что в ближайшее время их должны отпустить. Отто Жемайтиса даже не задержали. Он сказал, что выпил лишнего и заснул в телеге. В ней и проспал до ночи...

Мы кое-как выдержали до конца лекции, которую читал доктор Майбах. Я к нему относился с неизменным уважением и не позволял своим приятелям подтрунивать над слегка чудачковатым профессором. В конце занятий он заявил нам:

– Вы много читаете и это – хорошо, – его взгляд опять искрился, как в тот первый день, когда я познакомился с ним. – Но на каждый час чтения должно быть два часа... раздумий!

Мне всегда казалось, что Иоганн Майбах хочет сказать нам нечто такое, что не входит в программу обучения и не написано на латыни в старых медицинских книгах. Огромный врачебный опыт сочетался у этого мудрого человека с удивительной сердечностью и интеллигентностью. Меня всегда восхищала его способность в любой ситуации выглядеть достойно. И святая вера в то, что жизнь необходимо посвятить добрым делам.

– ...Вы обязаны любить наше искусство, – продолжал доктор, – чтить учителей и приумножать данные ими знания. Вам следует быть милосердными, направлять режим больных к их выгоде, сообразно со своими силами и разумением, воздерживаясь от применения всякого вреда и несправедливости, никогда не иметь с ними любовных дел...

Говоря всё это, он следил за нашей реакцией. Хотя мы изрядно устали, но никто не осмелился перебивать известного учёного.

– Запомните, школяры, вы никому не должны давать просимого у вас смертельного средства, а женщинам – абортивного пессария и не производить иссечений у страдающих каменной болезнью..., пусть последним занимаются цирюльники...

– Профессор, а как определяется размер вознаграждения за труд врача? – поинтересовался Густав Грюн.

– Понимаю, серьёзный вопрос, – усмехнулся Майбах. – Действительно, городские лекари, в отличие от монастырских, лечат больных обычно в их же домах, при этом отнюдь не безвозмездно, а за определённую плату, причём её размер определяет сам врач, исходя из затраченных им усилий и достатка данного пациента.

Знаменитый врач и последователь Гиппократ Исаак Юдеус (23), наставлял своих учеников так: «Посети больного, когда ему сделалось очень дурно. В это время столкнись с ним о гонораре, ибо, когда больной выздоровеет, он все забудет... Назначай возможно большее вознаграждение, ибо всё, что делаешь бесплатно, почитается за ничто!» Таким образом, обязанность лечить всех бесплатно не может лежать на сословии врачей так же, как обязанность накормить голодных не может лежать на булочнике или бакалейщике...

– А как поступать с умирающими пациентами? – спросил маленький и тщедушный Симон Фейхель.

– Таким людям необходим не врач, а священник, – мягко ответил профессор. – Великий Гиппократ писал в своих трудах: «Медицина не должна протягивать руку помощи тем, кто уже побежден болезнью», так как безуспешное лечение отрицательно влияет на репутацию лекаря. Об этом также говорили Платон, Герофил и Гален...

Тут я уже не смог совладать со сном. Беспокойная ночь, пережитый кошмар лишили меня сил. Глаза сами собой начали закрываться, и я стал проваливаться в бездну сна. Голос профессора уплывал куда-то вдаль... Но совсем другой, знакомый голос вдруг скомандовал в моей голове!..

«Не спать, дурень!»

Чёрт возьми, во мне продолжал жить внутренний голос!

Только спустя годы я понял, что вся эта ночная катавасия разыгралась из-за меня...

Глава 8. Семейство Лакош

В среду 15 августа я, наконец, прибыл в свой родной Инстербург. Добрался я до него торговым обозом Йозефа Лихтера, следующим в Тильзит (24) с грузом соли. Господин Лихтер знал моего отца, тот частенько подковывал его лошадей, следующих мимо Инстербурга.

Меня довезли до Альбертхофа и высадили вблизи кузницы, где трудились мои отец и брат. Я, закинув на плечи дорожный мешок, конечно же, сразу направился к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.